

БОРИС
АКУНИН

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Ордынский период

История Российского государства

Борис Акунин

**Часть Азии. История Российского
государства. Ордынский период**

«АСТ»

2014

Акунин Б.

Часть Азии. История Российского государства. Ордынский период / Б. Акунин — «АСТ», 2014 — (История Российского государства)

ISBN 978-5-17-082524-0

«В биографии всякой страны есть главы красивые, ласкающие национальное самолюбие, и некрасивые, которые хочется забыть или мифологизировать. Эпоха монгольского владычества в русской истории – самая неприглядная. Это тяжелая травма исторической памяти: времена унижения, распада, потери собственной государственности. Писать и читать о событиях XIII–XV веков – занятие поначалу весьма депрессивное. Однако постепенно настроение меняется. Процесс зарубцевания ран, возрождения волнует и завораживает. В нем есть нечто от русской сказки: Русь окропили мертвой водой, затем живой – и она воскресла, да стала сильнее прежнего. Татаро-монгольское завоевание принесло много бед и страданий, но в то же время оно продемонстрировало жизнеспособность страны, которая выдержала ужасное испытание и сумела создать новую государственность вместо прежней, погибшей». Представляем вниманию читателей вторую книгу проекта Бориса Акунина «История Российского государства», в которой охвачены события от 1223 до 1462 года.

ISBN 978-5-17-082524-0

© Акунин Б., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

От автора	6
Предисловие ко второму тому	7
Пролог. Первая встреча	10
Случайность или неизбежность?	12
Поход	15
Неприятель	16
Разгром	18
Упущенное время	20
Держава Чингисхана	22
Монголы	24
Прото-нация	24
Жизнь в Монгольской степи	25
Степное общество	28
Основатель империи	32
Как становятся великими завоевателями	32
Детство и юность	34
Попытка анализа	36
«Властитель Океана»	38
Законы Чингисхана	41
Реформатор	41
Учебник монгольской жизни	44
Лучшая армия мира	48
Монгольские воины	48
Нововведения Чингисхана	53
Стратегия	56
Психологическая война	58
Состав армии	60
Походы Чингисхана	61
Степной пожар	61
На ближней периферии	62
Китаизация	63
Среднеазиатский поход	65
Смерть великого завоевателя	70
Нашествие	73
Судьба Руси решена	73
Наследство Чингисхана	73
Роковой курултай	74
Силы вторжения	76
Подготовительный этап	78
Завоевание	81
Северная кампания	81
Южная кампания	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Борис Акунин

Часть Азии. История Российского государства. Ордынский период

Иллюстрации – И. А. Сакуров

Карты – М. Г. Руданов

Обложка – А. В. Ферез

© В. Акунин, автор, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

От автора

Прежде чем вы решите, имеет ли вам смысл читать это сочинение, должен предупредить о его особенностях.

Их три.

Я ПИШУ ДЛЯ ЛЮДЕЙ, ПЛОХО ЗНАЮЩИХ РОССИЙСКУЮ ИСТОРИЮ И ЖЕЛАЮЩИХ В НЕЙ РАЗОБРАТЬСЯ. Я и сам такой же. Всю жизнь я интересовался историей, получил историческое образование, написал несколько десятков исторических романов и тем не менее однажды осознал, что мои знания состоят из отдельных фрагментов, плохо складывающихся в общую картину. У меня не было ясного представления о том, как и почему Россия получилась именно такой. И я понял: чтобы ответить на столь краткий вопрос, придется сначала прочитать десятки тысяч страниц, а потом несколько тысяч страниц написать.

Я НЕ ВЫСТРАИВАЮ НИКАКОЙ КОНЦЕПЦИИ. У меня ее нет. Всякий историк, создающий собственную теорию, не может совладать с искушением выпятить удобные для себя факты и замолчать либо подвергнуть сомнению всё, что в его логику не вписывается. У меня такого соблазна не было.

Кроме того, я решительный противник идеологизированной истории. И самовосхвалительная, и самоуничижительная линии, обильно представленные в трудах отечественных историков, мне одинаково неинтересны. Я хочу узнать (или вычислить), как было на самом деле. У меня нет заранее сложившегося мнения. Есть вопросы и есть желание найти на них ответы.

ЭТО ИСТОРИЯ НЕ СТРАНЫ, А ИМЕННО ГОСУДАРСТВА, то есть политическая история: государственного строительства, механизмов управления, взаимоотношения народа и власти, общественной эволюции. Культуры, религии, экономики я касаюсь лишь в той мере, в какой они связаны с политикой.

Россия – это прежде всего государство. Оно не тождественно стране, а в отдельные моменты истории бывало ей даже враждебно, но именно состояние государства неизменно определяло вектор эволюции (или деградации) всех сфер российской жизни. Государство – причина и российских бед, и российских побед.

Попытка понять, что в нашем тысячелетнем государстве *так* и что *не так* (и почему) – вот для чего в конечном итоге затеяна эта работа.

Предисловие ко второму тому

Том «Часть Азии» описывает тот период отечественной истории, когда Руси, можно сказать, не было. Жили люди, говорившие по-русски, соблюдались русские обычаи, сохранялась русская вера, но страны не существовало – и долго не существовало, два с лишним века, с 1238 года до середины пятнадцатого столетия.

По поводу точной даты окончания монгольского владычества есть разные точки зрения. Чаще всего называют 1480 год, когда была официально провозглашена независимость Москвы от ханов, но я согласен с теми историками, кто относит конец этой эпохи к несколько более раннему времени. Поэтому я закончу повествование годом смерти Василия Темного – государя, к концу правления которого Русь избавилась от ордынского засилия фактически. С восхождением на престол Ивана III начинается новый исторический этап, которому правильнее будет посвятить отдельный том.

Хронологические рамки второго тома «Истории Российского государства» охватывают события от 1223 года (первое столкновение русских с монголами) до 1462 года (смерть последнего великого князя, получившего ярлык в Орде).

В биографии всякой страны есть главы красивые, ласкающие национальное самолюбие, и некрасивые, которые хочется забыть или мифологизировать. Эпоха монгольского владычества в русской истории – самая неприглядная. Это тяжелая травма исторической памяти: времена унижения, распада, потери собственной государственности. Писать и читать о событиях XIII–XV веков – занятие поначалу весьма депрессивное. Однако постепенно настроение меняется. Процесс зарубцевания ран, возрождения волнует и завораживает. В нем есть нечто от русской сказки: Русь окропили мертвой водой, затем живой – и она воскресла, да стала сильнее прежнего. Татаро-монгольское завоевание принесло много бед и страданий, но в то же время оно продемонстрировало жизнеспособность страны, которая выдержала ужасное испытание и сумела создать новую государственность вместо прежней, погибшей.

Этот исторический период невероятно труден для пересказа, потому что события запутаны и хаотичны, а свидетельства хроник противоречивы. В летописях много эмоционального и предвзятого, а стало быть, не вызывающего доверия. Чтение позднейших исторических сочинений не помогает разобраться, где истина и где вымысел, а часто, наоборот, вводит в еще большее заблуждение. В отечественных описаниях обычно преувеличиваются численность сил вторжения и упорство сопротивления, чувствуется желание словно бы оправдать предков, не сумевших выстоять в борьбе с чужеземными захватчиками.

И действительно: если воспринимать Батыево нашествие как победу «чужих» над «нашими», получается обидно. Однако мне ближе точка зрения, согласно которой «татаро-монгольское иго» (об этом термине мы еще поговорим) было не чужеземным завоеванием, а этапом формирования российской государственности, которая обогатилась важным компонентом. Это наши воевали с нашими же. Точно так же, с позиции современных британцев, выглядит война нормандцев с англосаксами. Поэтому, на мой взгляд, правильнее было бы считать потрясения ордынского периода родовыми схватками государства, в котором мы с вами живем. Да, роды были мучительны, но без них не возникло бы России.

Татары, являющиеся у нас такой же коренной народностью, как русские, до сих пор испытывают на себе мстительность древних поговорок. Историческая память языка удивительно живуча. «Незванный гость хуже татарина», говорят у нас, уже не помня, что когда-то имелись в виду разбойничьи наезды ордынских сборщиков дани. Присказка того же происхождения «Нам, татарам, всё даром», уцелела, должно быть, благодаря удачной рифмовке. Слово «татарщина» долго употреблялось в значении «варварство, дикость». О домашнем беспорядке могут

сказать: «Будто Мамай прошел» – редкий случай, когда происхождение поговорки можно датировать с точностью до года (1380).

Ладно. Язык не имеет автора, он – такой, какой сложился. Но странно читать у потомка ордынца Кара-мурзы историка Карамзина фразы вроде: «Татары не знали правил чести». (Еще как знали, просто эти правила не совпадали с русскими.)

Кстати говоря, доля «татарских» родов в дворянском сословии, опоре Российской империи, была чрезвычайно высока. По подсчетам историка Н. Загоскина (между прочим, потомка мурзы Шевкала), среди высшей знати было 156 фамилий «восточного», то есть ордынского происхождения – почти столько же, сколько варяжского (168), и намного больше, чем «неуточненно русского» (42).

Да и наш язык при внимательном рассмотрении оказывается с сильной примесью татарскости. Множество слов, которые мы воспринимаем как старинные русские, пришли из Орды: деньги, башмак, аршин, алтын, сундук, казна, таможня, базар, барыш, табун – все и не перечислить.

В общем, нашему взгляду на отечественную историю давно пора бы избавиться от «анти-татарской» предвзятости.

Прочитав массу источников и их дальнейших интерпретаций, я пришел к убеждению, что татаро-монгольская составляющая в российской государственности не просто органичная и своя, но превалирует над более древним варяжско-византийским и, пожалуй, даже славянским компонентами. Впрочем, здесь я забегаю вперед – к выводам, которые сгруппированы в последней главе книги. Очень возможно, что, дойдя до финала, читатель со мной не согласится и придет к иному умозаключению.

Есть уважаемые историки, которые утверждают, что ордынский опыт не имел для российской государственности особенного значения. С. Соловьев, например, писал: «Историк не имеет права с половины XIII в. прерывать естественную нить событий... вставлять татарский период и выдвигать на первый план татар». Так же считал и С. Платонов, заявляя, что «следы влияния татар в администрации, во внешних приемах управления... невелики и носят характер частных отрывочных заимствований».

Однако мне кажется более справедливым суждение, что Московская Русь – не продолжение древнерусского государства, а сущностно иное образование, обладавшее принципиально новыми чертами. Это другое, *второе* русское государство.

Первое было совершенно европейским; его жители выглядели и даже одевались по-европейски. Французский посланник де Рубрук в середине XIII века пишет: «Русские женщины убирают головы так же, как наши, а платья свои с лицевой стороны украшают беличьими или горностаевыми мехами от ног до колен. Мужчины носят епанчи, как и немцы, а на голове имеют войлочные шляпы, заостренные наверху длинным острием». Двести лет спустя, когда на политической карте континента вновь появится русское государство, москвиты будут восприниматься западными людьми как совершенные азиаты – и так останется вплоть до петровской вестернизации.

Вот почему, если первый том моей «Истории» назывался «Часть Европы», второй называется «Часть Азии».

Несколько особняком от остальной Руси стоит история Новгородчины, обширного региона, избежавшего татарской оккупации и потому долго сохранявшего черты изначальной русской государственности. (Подробный очерк о жизни средневековой купеческой республики включен в первый том моей «Истории».) Но и русский Северо-Запад был политически несамостоятелен, являясь если не прямой провинцией Орды, то ее сателлитом и протекторатом.

На протяжении двух с лишним веков Русь была частью азиатской державы. Собственно, мы и сегодня являемся страной преимущественно азиатской. Достаточно посмотреть в атлас,

чтобы убедиться: границы современной России совпадают скорее с контуром Золотой Орды, нежели Киевской Руси.

Иное дело, что, попав на двести лет в зону азиатской цивилизационной модели, Русь там не осталась – но и к европейской парадигме тоже не вернулась, а попыталась нащупать свой собственный, промежуточный путь. Однако речь об этом пойдет уже в следующем, третьем томе.

Напоследок, прежде чем вы приступите к чтению, хочу повторить слова, которыми монах Лаврентий завершил свою летопись, по его имени названную Лаврентьевской: «Где описал, или переписал, или не дописал – чтите, исправляя, Бога деля [Бога ради], а не кляните, занеже книги ветшаны, а ум молод – не дошел».

Пролог. Первая встреча

Если придерживаться точки зрения, что Российское государство несет в себе генетический код двух очень разных цивилизаций – с одной стороны, европейской (сложившейся из славянского, византийского и варяжского компонентов), а с другой стороны, азиатской (монгольско-тюркской), следует сказать, что первая встреча наших «родителей» произошла при весьма бурных обстоятельствах.

Ей предшествовало зловещее предзнаменование.

«Хвостатая звезда»

В канун знакомства (цитирую летопись в пересказе Карамзина), откуда ни возьмись объявилась «звезда величины необыкновенной, и целую неделю в сумерки показывалась на Западе, озаряя небо лучом блестящим. В сие же лето сделалась необыкновенная засуха: леса, болота воспламенялись; густые облака дыма затмевали свет солнца; мгла тяготила воздух, и птицы, к изумлению людей, падали мертвые на землю».

Вообще-то это в очередной раз приблизилась к Земле комета Галлея. Всякое ее появление приводило наших суеверных предков в трепет, поскольку от одного космического визита до другого проходило целых 76 лет, за это время сменялись поколения и предыдущее впечатление забывалось. Поскольку в средние века те или иные несчастья происходили часто, небесный феномен иногда совпадал с какой-нибудь бедой. В позапрошлый раз комета Галлея пролетела незадолго перед половецким нападением 1068 года, и это запомнилось. А вот в 1145 году хроники ничего про нее не пишут, потому что как-то обошлось. В записи же за 1265 год читаем (про какую-то другую комету): «Явилась на востоке звезда хвостатая, страшная на вид, испускающая большие лучи; из-за этого назвали эту звезду волосатой. При виде этой звезды охватил всех людей страх и ужас. Мудрецы, глядя на звезду, говорили, что будет великий мятеж в земле, но Бог спасет нас своею волею. И не было ничего».

Так что не стоит придавать знамениям особенного значения.

В ту эпоху Русь была хоть и окраинной, но стопроцентно европейской страной, соединенной торговыми, культурными, династическими связями с Западом, который после 1204 года (когда крестоносцы захватили Константинополь) на время вобрал в себя и Византию. *Страной* – но не государством.

Русь накануне монгольского нашествия. М. Руданов

Единого государства на Восточно-Европейской равнине не существовало уже почти целое столетие. Русь проходила через общую для этого периода европейской истории стадию распада первичного государственного образования на всё более мельчающие княжеские владения.

Страну русославян (я называю этим термином восточнославянскую прото-нацию, которая впоследствии разделилась на русских, украинцев и белорусов) по-прежнему объединяли язык, культура, религия и родственные связи властителей, принадлежавших к династии Рюриковичей, но с ослаблением и оскудением бывшей столицы, Киева, на Руси возникли два новых центра политической силы. На юго-западе строил и расширял свою державу Даниил Галицкий; на северо-востоке властвовало потомство недавно умершего владими́ро-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо (об обоих этих выдающихся деятелях было рассказано в предыду-

щем томе). Впрочем, и на юго-западе, и на юго-востоке не прекращались княжеские раздоры, так что не существовало даже и регионального единства. За эпоху, предшествующую монгольскому нашествию, на Руси произошло не менее восьмидесяти междоусобных войн – в среднем раз в два года.

Господин Великий Новгород, богатая торговая республика, жил по собственным обычаям и сохранял автономию вплоть до второй половины XV века, однако независимости так и не достиг, поскольку не обладал собственной продовольственной базой. Попытки владими́ро-суздальских, а позднее московских князей покорить Новгород являются одной из основных сюжетных линий всей истории русского средневековья.

Следует сказать, что насущной потребности в крепком государстве, управляемом единой волей и представляющем собой мощную военную силу, в начале XIII века, пожалуй, и не было. После того как во времена Владимира Мономаха, еще сто лет назад, объединенные русские войска нанесли несколько мощных ударов по половцам, серьезной внешней угрозы для страны, в общем, не существовало. Степняки продолжали время от времени совершать грабительские набеги на приграничные земли, но это были уже не те половцы, что чуть было не уничтожили Киевское государство в конце XI века. Они стали привычными соседями – чаще союзниками, чем врагами. Князья и ханы уже несколько поколений заключали между собой семейные союзы, в результате чего первые несколько ополовечились, а последние – несколько обрусели.

Эти тесные связи, родственные и политические, явление вроде бы частное и в историческом смысле не особенно важное, стали первопричиной огромной беды, обрушившейся на Русь в 1223 году.

Случайность или неизбежность?

Здесь придется коснуться двух очень интересных тем, над которыми рано или поздно приходится задуматься всякому, кто всерьез заинтересуется историей.

Первая касается соотношения случайного-неслучайного в историческом процессе и в судьбе каждой отдельно взятой страны.

Существуют две крайние точки зрения: 1) движение истории хаотично и представляет собой цепочку совершенно произвольных, непредсказуемых событий; 2) случайное большого значения не имеет, поскольку влияет лишь на частности, но не на общую эволюцию человечества, подчиняющуюся неким познаваемым, неукоснительно действующим законам либо непостижимой воле Высшего Разума (это уж в зависимости от мировоззрения).

Мне представляется, что истина находится где-то посередине между «хаотической» и «логической» теориями, а «провиденциальную», то есть божественную, я рассматривать не готов, потому что если всё предопределено чьей-то Волей, то нечего и умничать. Я уверен, что законы общественно-политической эволюции существуют, но их работа проявляется в генеральном ходе истории, а вот что касается судьбы отдельной страны, то она из-за сцепления случайностей вполне может как достичь величия, так и впасть в ничтожество либо вовсе исчезнуть.

Вторая тема, собственно, являющаяся ответвлением первой, не менее дискуссионна: роль личности в истории. Я не раз и не два буду касаться этой проблематики, рассказывая о различных деятелях описываемой эпохи – очень сумбурной, изобиловавшей катаклизмами и потому особенно зависевшей от случайных событий и личных качеств ключевых деятелей.

Безусловно, существовали объективные обстоятельства, в силу которых Русь была завоевана монголами: политическая слабость вследствие раздробленности; географическое соседство со Степью, исторгавшей из своих недр нашествие за нашествием; наконец, стремление

растущей чингизидской империи занять всю Евразию от океана до океана, что рано или поздно должно было привести монгольские полчища к русским рубежам. Но факт и то, что искра, от которой разгорелся пожар, опаливший отечественную историю и направивший ее в существенно иное русло, была высечена двумя совершенно случайными, до нелепости малозначительными обстоятельствами. Могу предложить глупую, но при этом вполне соответствующую истине формулировку: «Всё началось из-за того, что на Руси жил один скучающий человек, и этому человеку не повезло с тестем».

В предыдущем томе, описывая удивительную судьбу князя Мстислава Удатного, я коротко коснулся Калкинской катастрофы, но исторические последствия этого события столь грандиозны, что оно заслуживает подробного рассказа.

«...Том же лете, – повествует летопись о событиях 6372 года от сотворения мира (1223), – по грехом нашим, придоша языци незнаеми, их же добре никто же не весть, кто суть и отколе изидоша, и что язык их, и котораго племене суть, и что вера их; а зовуть я Татары...». Из уточнения «по грехам нашим» видно, что автор являлся адептом «провиденциальной теории». Всякий раз, когда происходило какое-нибудь несчастье, у хроникеров-монахов было только одно объяснение: Божий гнев.

Однако «татары» пришли не сами по себе, и нельзя сказать, чтобы Русь оказалась жертвой ничем не спровоцированной агрессии. Неправда и то, что русские совершенно не представляли себе, кто такие эти неведомые язычники, поскольку о них подробно поведал язычник хорошо знакомый и даже родственник – половецкий хан, которого летописцы почтительно называют Котяном Сутоевичем.

Половецкий тесть

Этот роковой для нашей истории персонаж возглавлял союз западных половецких племен. Он активно участвовал в русских междоусобицах, помогая Мстиславу Удатному завоевать Галич, и во имя политического союза выдал за этого храброго и удачливого («удатного») полководца свою дочь, получившую при крещении имя Мария.

Когда на земли Котьяна с востока напал сильный враг, с которым половцы совладать не могли, половецкий хан обратился за помощью к знаменитому родственнику, который был многим ему обязан. В несчастной битве на Калке тесть с зятем были в числе немногих уцелевших, а после ухода монголов Котьян смог вернуться в родные края и вплоть до Батыева вторжения жил там по-прежнему, то и дело ввязываясь в свары между Рюриковичами. Во время Нашествия хан, уже неоднократно битый монголами, благоразумно бежал далеко на запад, уведа с собой сорокатысячную орду, которую приютил венгерский король.

Котьян во второй раз сыграл зловещую роль для целой страны – теперь для Венгрии. Хан Бату повел свою армию на это королевство в том числе и в отместку за то, что оно приняло к себе заклятого врага монголов. Но Котьян до новой войны не дожил. Венгерская знать умертвила пришельца, неосновательно заподозрив, что он подослан монголами нарочно. Хана не спасло даже то, что он перешел в католичество и выдал дочь Елизавету за наследника венгерского престола. Потомки котьяновых половцев, оставшихся в Венгрии, еще несколько веков сохраняли свой язык и обычаи, а затем ассимилировались.

Котян Сутоевич знал, к кому обратиться. Мстислав Удатный был князем задиристым и непоседливым. Он не мог жить спокойно, без войн. Когда становилось скучно, уходил на поиски новых приключений. Так, например, он оставил новгородское княжение, хотя тамошние жители его любили и не хотели от себя отпускать. Храбрый, самоуверенный, напористый, Мстислав без особой нужды устроил Липицкое сражение (1216 г.), самое кровопролитное в истории русских междоусобиц. К предложению идти в Степь против обидчиков тестя Удатный отнесся с энтузиазмом. На Руси этот прославленный полководец пользовался большим авторитетом, чему несомненно способствовала репутация прирожденного счастливица, добивавшегося успеха во всех начинаниях.

Хан Котян и русские князья. И. Сакуров

«Храбрый Князь Галицкий, пылая ревностию отведать счастья с новым и столь уже славным врагом, собрал Князей на совет в Киеве», – пишет Карамзин. На съезде хан Котян говорил: сегодня враги отобрали землю у меня, а завтра отберут у вас. Обычно такие аргументы не действовали – о завтрашнем дне тогдашние феодалы особенно не задумывались, были слишком поглощены сиюминутными заботами, а будущее вверяли Промыслу Божью. Для вящей убедительности Котян еще и крестился в русскую веру (как мы уже знаем, потом он для венгров перейдет и в католичество). Но главную роль, вероятно, сыграли щедрые дары, на которые не поспешил изгнанник: «кони, и вельблуды, и буволы, и девкы».

В конце концов Котян с Мстиславом Удатным сумели склонить на свою сторону еще двух важных Мстиславов, черниговского и киевского. Последний был еще и великим князем – титул к тому времени почти номинальный, но все равно громкий. За тремя Мстиславами

потянулись князьки поменьше. Собралась большая армия из двух десятков русских дружин и половцев Котьяна Сутоевича.

Перечень Рюриковичей, принявших участие в походе, длинен, но в основном это были мелкие удельные феодалы из окружения киевского, черниговского и галицкого князей. При пестром составе союзного войска в нем не было ни порядка, ни единоначалия. Каждый отряд двигался сам по себе. Самым высоким статусом обладал Мстислав Киевский, но военная репутация Мстислава Галицкого была неизмеримо выше. Оба предводителя, несмотря на близкое родство (они были двоюродные), к тому же сильно не любили друг друга.

Относительно размера коалиционной армии достоверных сведений нет. Подсчитывать численность больших армий в те времена то ли не умели, то ли ленились, и так будет на протяжении всего русского средневековья. Ссылаясь на летописные данные, историк Татищев пишет про сто тысяч русских и пятьдесят тысяч половцев, но это, конечно, цифры совершенно фантастические. Известно, что самый могущественный из русских князей владими́ро-суздальский Юрий Всеволодович прислал отряд в 800 копий. Он считался небольшим, но всё же упоминается отдельно. Вероятно, каждый из трех Мстиславов привел по несколько тысяч воинов, а мелкие князья – по несколько сотен. К этому нужно прибавить половцев Котьяна, который, находясь в бегах, вряд ли мог иметь много людей. В целом рать, видимо, насчитывала порядка двадцати, самое большее тридцати тысяч человек, но по тем временам это было очень много, и Татищев наверняка прав, говоря, что «такого русского войска давно вместе не бывало».

Поход

Сборный пункт назначили на Днепре, неподалеку от острова Хортица. Примерно месяц туда плыли ладьи с воинами, подтягивались конные дружины, шли пешие отряды. В начале мая 1223 года наконец двинулись в Степь.

Все даты, касающиеся сражения на Калке, и даже сам год долгое время были предметом дискуссий. Кто-то из историков относил это событие к 1223 году, кто-то к 1224 году. Путаница произошла из-за того, что летописцы разных областей Руси вели отсчет нового года по-разному: одни на византийский манер, с 1 сентября, другие по-старинному, с 1 марта. Поэтому в одних источниках битва значится под 6371 годом, а в других под 6372-м. Сегодня большинство исследователей считают, что баталия произошла 31 мая 1223 г.

Возможно, дальнейшие события приняли бы менее катастрофический для Руси оборот, если бы не одно постыдное обстоятельство.

Узнав о военных приготовлениях князей, монголы прислали парламентеров, которые сказали, что биться не из-за чего: никаких обид русским монголы не наносили, их городов и сел не занимали, а воюют только против половцев, которые причиняют много зла и Руси. По причинам, о которых мы можем лишь догадываться, князья убили этих послов, несмотря на их разумные речи. Скорее всего, инициатором злодеяния был хан Котьян. Возможно, приложил руку и Удатный. Зная его характер, резонно предположить, что мирное разрешение конфликта его вряд ли бы устроило.

Если до этого момента еще оставалась вероятность, что монголы уйдут от столкновения, то теперь сражение стало неизбежным.

По монгольским понятиям, умерщвление послов считалось худшим из преступлений (согласимся, что так оно и есть). Подобное кощунство ни в коем случае нельзя было оставлять безнаказанным.

За четыре года до Калки точно такую же ошибку совершили люди хорезмского шаха – истребили посольство Чингисхана. После этого монголы пошли на могущественное средне-

азиатское государство войной и не прекратили ее до тех пор, пока от хорезмской державы не остались одни руины. Погибли сотни тысяч, а то и миллионы людей. Шах же заплатил за вероломство и престолом, и жизнью.

После гибели своих парламентаров монголы просто не могли уйти – великий хан им бы этого не простил. Наверное, Котян хорошо знал этот обычай, и расправа была учинена именно для того, чтобы враг не уклонился от боя. Во всяком случае, когда семнадцать дней спустя (русское войско было на марше) прибыли новые посланцы, этих смельчаков не тронули – было уже незачем. Они привезли формальное объявление войны, составленное в характерной для полководцев Чингисхана сдержанной манере: «Идете на нас? Что ж, идите. Мы вас не трогали. Над всеми нами Бог».

Через несколько дней передовые отряды вошли в соприкосновение, завязались стычки. Кажется, с обеих сторон в основном бились между собой половцы – часть кочевников присоединилась к монголам. Дружина Мстислава нанесла довольно большому контингенту какого-то хана Гамбьяка, половца, поражение. Это окрылило русских, придало им уверенности в своих силах. Враг не казался слишком опасным. Те, кто видел «татар», сообщил, что это «простые ратники» (то есть не защищенные доспехами, которых у монгольских конников действительно не было).

Основные силы неприятеля стояли за рекой Калкой.

Неприятель

Пора объяснить, откуда в донских степях появились монголы, чей дом находился в нескольких тысячах километрах к востоку.

Возникновению и расширению великой азиатской империи будет посвящена следующая глава, пока же нам довольно вспомнить о войне, начавшейся после убийства хорезмцами послов Чингисхана.

Разбитый шах, спасаясь, бежал к Каспийскому морю. Вдогонку отправился корпус под командованием двух военачальников – Субэдея (главнокомандующего) и Джэбе. Шаха они не догнали, но назад вернулись лишь три года спустя. Возможно, у них был приказ посмотреть, что находится дальше к западу.

Монголы прошли через Кавказ, громя всех, кто оказывался на их пути, добрались до Великой Степи, где властвовали половцы, разбили и их. Хан Котян побежал жаловаться зятю – и произошло то, что произошло.

Численность монгольского войска более или менее понятна, поскольку в армии Чингисхана существовал строгий учет и порядок. У Субэдея и Джэбе было два тумена, в каждом по десять тысяч воинов. После долгого похода из-за боевых и естественных потерь войско наверняка поредело, но зато к нему присоединились отряды покоренных народов. В общем, в количественном отношении силы сторон, вероятно, были примерно равны.

Иное дело – качество. Армия Чингисхана была самым совершенным боевым механизмом своего времени (обстоятельный рассказ об этом впереди); русско-половецкая же рать представляла собой конгломерат вооруженных отрядов, действовавших вразброд и не имевших общего командования. Но даже если бы оно и существовало, ни киевский, ни галицкий Мстиславы никак не могли бы соперничать с Субэдеем, одним из величайших полководцев мировой истории.

Субэдей. Китайский средневековый рисунок

Субэдей-багатур

Субэдей (1175?–1249?), по подсчетам британского военного историка Б. Лиддела Харта, за свою долгую карьеру одержал победу в 65 битвах и завоевал 32 страны. Именно он, а не Чингисхан был лучшим монгольским военачальником.

Судьба этого человека удивительна. Он происходил из северных, лесных монголов, которые, в отличие от монголов степных, не были с детства приучены к жизни в седле и виртуозному владению луком. Поэтому первоначально Субэдей выдвинулся благодаря не столько удали, сколько уму. По одной из версий, с четырнадцати лет он состоял при будущем великом хане – на первых порах просто прислужником, распаивающим полог шатра. В этом качестве юноша мог наблюдать за ходом военных советов. В какой-то момент ему – возможно, по случайности – было дозволено высказать свое суждение. Видимо, оно оказалось ценным. Субэдей был храбр и со временем обучился воинскому искусству, так что получил почетную приставку к имени: «багатур» (богатырь), но богатырей у Чингисхана было много – больше, чем умных и ловких тактиков.

Во время войны с сильным племенем меркитов молодой сотник прикинулся перебежчиком и сообщил врагам ложные сведения, что стало причиной их разгрома. С этого эпизода и началось восхождение Субэдея. Чингисхан не придавал значения социальному и этническому происхождению соратников – только их личным качествам. Поэтому сотник быстро стал тысячником, затем темником, а впоследствии и главным полководцем.

Своих многочисленных побед Субэдей, как правило, добивался не силой, а умением: даже если у врагов имелось численное преимущество, он вел бой так, чтобы всегда иметь перевес в решающем пункте сражения. Эту беспроегрешную тактику Субэдей использует и на Калке.

Второй полководец, Джэбе, тоже был личностью легендарной. Его имя означало «Стрела».

Он принадлежал к племени тайчжиутов, враждовавшему с Чингисханом. Искусный стрелок, Джэбе во время боя ранил тогда еще не очень великого завоевателя в шею, чуть не переменяя ход мировой истории. Попав в плен, смело признался в том, что стрелял именно он. Чингисхан, хорошо разбиравшийся в людях, не казнил отважного тайчжиута, а оставил при себе. Через пять лет Джэбе уже командовал тысячей воинов; через десять – водил целые армии.

Разгром

Вот с какими оппонентами пришлось иметь дело Мстиславу Галицкому, который вместе с ханом Котяном первым ринулся в бой. Удатный был так уверен в успехе, что даже не известил о своих намерениях Мстислава Киевского – очевидно, желал, чтобы вся слава досталась ему одному. «Сие излишнее славолубие Героя столь знаменитого погубило наше войско», – пишет Карамзин.

Великий князь киевский обиделся – и остался на месте, а с ним и большинство других князей. Субэдею даже не пришлось маневрировать, чтобы обеспечить себе преимущество в центральном пункте сражения. Это произошло само собой.

Удатный был опытным и храбрым воином, но очень скоро оказался наголову разбит и побежал назад, к реке, вместе со своими половецкими союзниками. Там он совершил поступок, имевший роковые последствия для остальной части русского войска: переправившись через Калку, велел изрубить лады (или же – есть и такая версия – разрушил наплавную переправу из ладей), чтобы враги не смогли устроить преследование.

Некоторые из князей побежали, даже не вступив в битву, но уйти от легкой монгольской конницы не смогли. Так сложили головы Мстислав Черниговский и еще несколько Рюриковичей. Им, можно сказать, повезло. Участь оставшихся была страшнее.

Мстислав Киевский, с ним остальные князья и основная масса воинов, укрепились на холме – «угоши город около себе в колех» («колы» – это, видимо, не колья, которых в голой степи взять было негде, а колесные повозки). Расчет, вероятно, был на то, что монголы не станут драться с теми, кто не принимал участия в сражении. В таких случаях обычно договаривались миром.

Но монголы не могли отпустить убийц своих послов. Три дня лагерь выдерживал осаду, а когда закончилась вода и припасы, великий князь сдался с условием, что пленники будут отпущены за выкуп, как это и происходило во всех тогдашних войнах.

Но только не у монголов. Они никогда не брали выкупа, это противоречило законам Чингисхана. Переговоры с Мстиславом Киевским вели не Субэдей с Джэбе, а состоявшие при их войске *бродники* (так назывались бродячие разбойные шайки, жившие в Степи и служившие кому придется), чьи обещания ничего не стоили.

«Битва на Калке». А. Ивон

За истребление парламентаров великий князь и другие знатные пленники были подвергнуты унижительной казни. Их положили на землю, накрыли сверху досками, и монгольские военачальники устроили на помосте победный пир, задавив побежденных до смерти. Эту ужасную сцену можно считать символом участи, которая через некоторое время ожидала всю Русь.

А Мстиславу Удатному его «удатность» не изменила. Он, главный виновник Калкинской трагедии, благополучно добрался до дому. Там он еще несколько лет бранился и дрался со своими соседями, а потом благочестиво скончался, приняв перед смертью схиму. До Нашествия он не дожил.

Летопись не называет количество убитых в сражении, перечисляя только князей (их пало двенадцать), но говорит, что «прочии вои десятии приде кождо в свояси», то есть погибло девять десятых армии. Такого избиения не бывало от начала Русской земли.

Причину поражения летописец справедливо возлагает на самих русских: «И тако за грехы наша Бог вложи недоумение [недостаток ума] в нас».

Упущенное время

«Недоумением», но уже в современном значении этого слова, пожалуй, и ограничилась реакция Руси на страшное поражение. Потомков не может не поражать беспечность, в которой обреченная страна просуществовала следующие четырнадцать лет, вплоть до Нашествия. Казалось бы, после такого потрясения следовало бросить все силы на подготовку к новой войне с грозным противником, однако ничего подобного не произошло. «Татары же възвратишася от реки Днепря; и не съведаем, откуда суть пришли и где ся деша опять», – спокойно пишет летописец. Черную тучу унесло куда-то за горизонт, гроза примерещилась.

Русь вернулась к своему обычному существованию; в 1237 году она окажется подготовленной к борьбе с монголами еще хуже, чем в 1223-м, когда князья хотя бы собрали большую рать.

Главная причина этой, с сегодняшней точки зрения, необъяснимой беззаботности заключается в том, что Русь уже не ощущала себя одной страной. То, что происходило в одном краю Русской земли, очень мало занимало жителей других областей.

«Не бысть ничтоже»

Новгородская летопись, рассказав о Калкинской битве, на том же дыхании, как о происшествиих равного масштаба, сообщает, что в то же лето какие-то Твердислав и Федор построили каменную церковь, а еще 20 мая был «гром страшен», так что другая церковь сгорела и два человека погибли. Для новгородцев, которые не участвовали в сражении, местные новости важнее и интереснее того, что произошло где-то в дальних степях.

Точно так же относятся к эпохальным для Севера потрясениям и южане. В 1242 году, когда Александр Невский с новгородцами разбили на Чудском озере немцев, Галицко-Волынская хроника пишет: «В год 6750. Не бысть ничтоже» (ничего не было).

А в 1240 году, когда татаро-монголы стерли с лица земли Киев, далекий владимирский летописец записывает это известие в такой последовательности: «В год 6748. У Ярослава родилась дочь и была названа при святом крещении Марией. В тот же год взяли татары Киев и храм святой Софии разграбили и монастыри все. А иконы, и честные кресты, и все церковные украшения забрали и избили мечом всех людей от мала до велика. А случилось это

несчастье в Николин день до Рождества Господа» – и больше ничего о гибели «матери городов русских».

Когда я говорю, что Русь после Калки вернулась к обычному существованию, это значит, что вновь начались бесконечные дразги с соседями.

На Севере новгородцы и псковичи отбивались от литовцев и немцев, что не мешало им враждовать между собою и ссориться с русскими князьями.

Великий князь владими́ро-суздальский Юрий Всеволодович воевал с мордвой и булгарами, однако не меньше сил у него отнимали конфликты с собственным братом Ярославом Переяславльским, а по временам братья забывали о своих противоречиях и объединялись против общего врага, черниговского князя. Ярослав Переяславльский (отец Александра Невского) сходил походом на юг и уселся в Киеве, по пути ограбив и опустошив Черниговщину.

Вообще мирных жителей, таких же русских, но подданных другого князя, грабили и убивали часто и без каких-либо угрызений совести – это были *чужие* люди. Своих, впрочем, тоже не жалели. В 1230 году случилась кровавая междоусобица в Смоленске, население которого не захотело подчиниться князю Святославу Мстиславовичу. Тогда он взял город штурмом, а жителей перебил.

Вместо того чтобы объединиться перед лицом страшной опасности, князья все глубже увязали в раздорах. «Провидение, действительно готовое искусить Россию всеми возможными для Государства бедствиями, еще на несколько лет отложило их, – горько вздыхает Карамзин, – а Россияне как бы спешили воспользоваться сим временем, чтобы свежую рану Отечества растравить новыми междоусобиями».

Сетования на неразумность русских князей, конечно, справедливы. Однако следует сказать, что, даже если бы Рюриковичи ясно сознавали опасность и объединились, Русь все равно не устояла бы. В 1223 году сравнительно небольшой корпус Субэдея и Джэбе без труда разбил союзное войско двадцати князей; четырнадцать лет спустя нагрянет сила, противостоять которой не смогло бы ни одно государство тогдашнего мира.

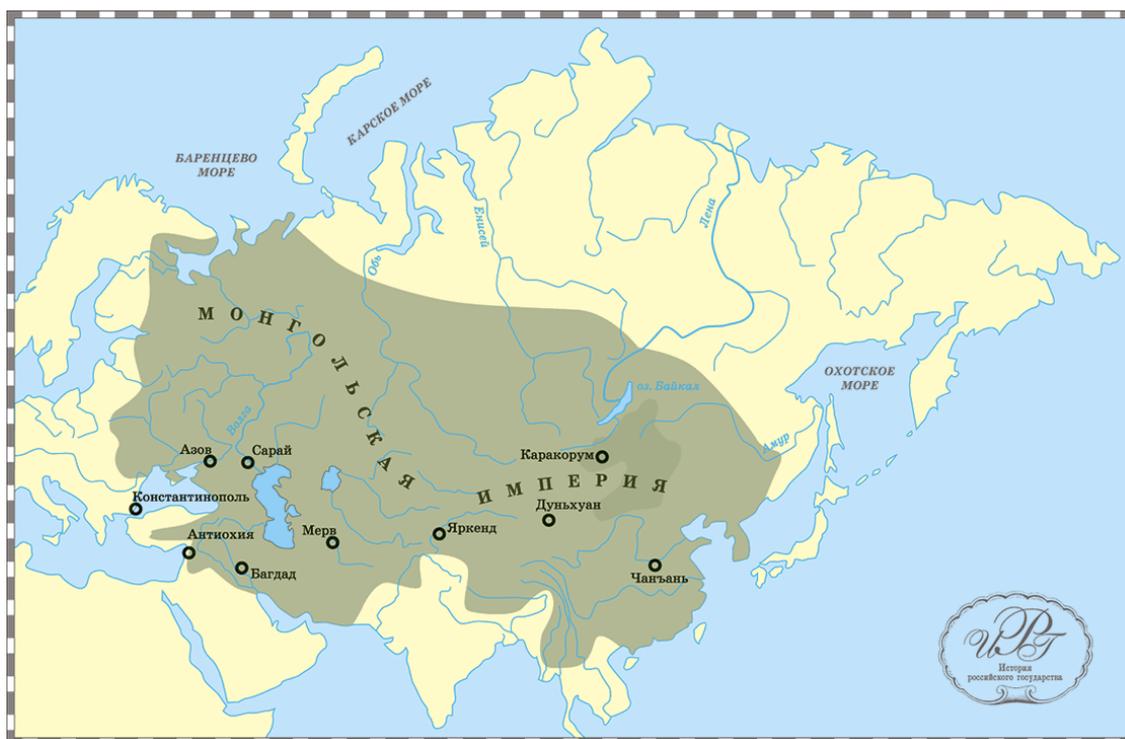
Для того чтобы понять, как зародилась и окрепла эта грозная сила, почему она в конце концов обрушилась на Русь, нам понадобится переместиться далеко на восток, где сформировался второй, азиатский компонент российской государственности.

Держава Чингисхана

Монгольские завоевательные походы, с одной стороны, несомненно были геополитической и гуманитарной макрокатастрофой.

Такого размаха массовых убийств, такой эпидемии террора не знает мировая история. Даже Вторая мировая война дала меньше жертв, если считать пропорцию от общего населения. Чингисхан и его потомки в период экспансии уничтожили почти десятую часть жителей Евразии. По современным оценкам, это около сорока миллионов жизней, погубленных не только оружием, но лишениями, голодом и мором – последствиями разорения некогда цветущих стран. Огромные области совершенно обезлюдели; крупнейшие города эпохи превратились в пепелища; погибли целые культуры.

Всё это так.

Монгольская империя в период максимального расширения. *М. Руданов*

Но последствия этого страшного потрясения были не только негативными. Монголам удалось, хоть и ненадолго, создать огромную, по тем временам очень неплохо устроенную империю, простиравшуюся от Тихого океана до Атлантики. На пике могущества, в 1300 году, эта держава имела площадь в 24 миллиона квадратных километров, в ней, по подсчетам Ж.-Н. Бирабена, автора интереснейшего исследования «История человеческого населения от истоков до наших дней», жили около 110 миллионов человек, четверть всех обитателей Земли. Монголы впервые сумели объединить Китай, самый большой и населенный регион планеты. Торговые караваны путешествовали по континенту, не опасаясь разбойников – для защиты было довольно монгольской пайцзы, охранительной таблички. Передовые технологии – порох, навигационные приборы, бумага, а затем и идея книгопечатания – свободно проникали из развитого Китая в неразвитую Европу. На какое-то время мир, вернее Старый Свет, стал единым, и значение этого небывалого цивилизационного переворота трудно переоценить.

Что же за народ оказался способен на столь чудовищные и в то же время столь величественные деяния? И как ему это удалось?

Монголы

Прото-нация

Народ был маленький. Вплоть до XIII века он считался малозначительным. Собственно, никакого монгольского народа еще и не было – его создаст Чингисхан.

На пустых обширных пространствах, находившихся к северу от Великой китайской стены, кочевали, враждуя между собой, разрозненные племена, которые иногда объединялись в военные союзы, но единой нации не образовывали. Не все они даже говорили на одном языке.

«Монголами» именовала себя лишь часть этноса (некоторые историки называют ее «собственно монголами»), не самая крупная. Четыре других группы племен были и больше, и сильнее.

На юго-востоке Монгольской степи, где климат был относительно мягким, а пастбища тучными, жили – сытнее и обеспеченнее остальных – многочисленные *татары*. Возможно, они говорили на тюркском языке. Иногда чужеземцы именовали «татарами» вообще всех степняков (например, русские летописи, повествующие о Калкинской битве). Название особенно понравится европейцам, которые услышат в нем отзвук слова «Тартар», Преисподняя. «Эта ужасная раса сатаны-тартары... рванулись вперед, подобно демонам, выпущенным из Тартара (поэтому их верно называли «тартарами»)», – напишет английский хронист Матвей Парижский (XIII в.). Не следует путать «монгольских» татар с нашими, российскими, в этногенезе которых монгольский компонент, по-видимому, был не столь значителен. Пропорция татар в армии Чингисхана была очень велика. Известно, что в 1206 году из девяносто пяти нойонов-тысячников насчитывалось четырнадцать татарских, притом что народность к этому времени утратила прежнюю мощь и великий хан относился к ее представителям неприязненно (на что, как мы увидим, у него имелись основания).

На юго-западе обитали *кереиты*, большинство которых уже несомненно говорили на тюркском языке. Они составляли не менее трети всех монголов (в широком смысле). В XII веке кереитская конфедерация была могущественной и доставляла немало хлопот северокитайскому царству Цзинь, но во второй половине столетия после ряда поражений несколько ослабела.

Расселение монгольских племен в XII веке. М. Руданов

Самой культурно развитой народностью были *найманы*, состоявшие из восьми колен. Их владения простирались до нынешнего Восточного Казахстана. У найманов существовало нечто вроде первичной формы государства, даже с собственной письменностью, которой другие монголы не имели.

Ближе всего к собственно монголам находились *меркиты*, злейшие их враги.

Все эти группы были много сильнее, со всеми Чингисхану придется воевать. Именно эти внутримонгольские разборательства, а вовсе не покорение чужих земель, займут основную часть жизни великого завоевателя.

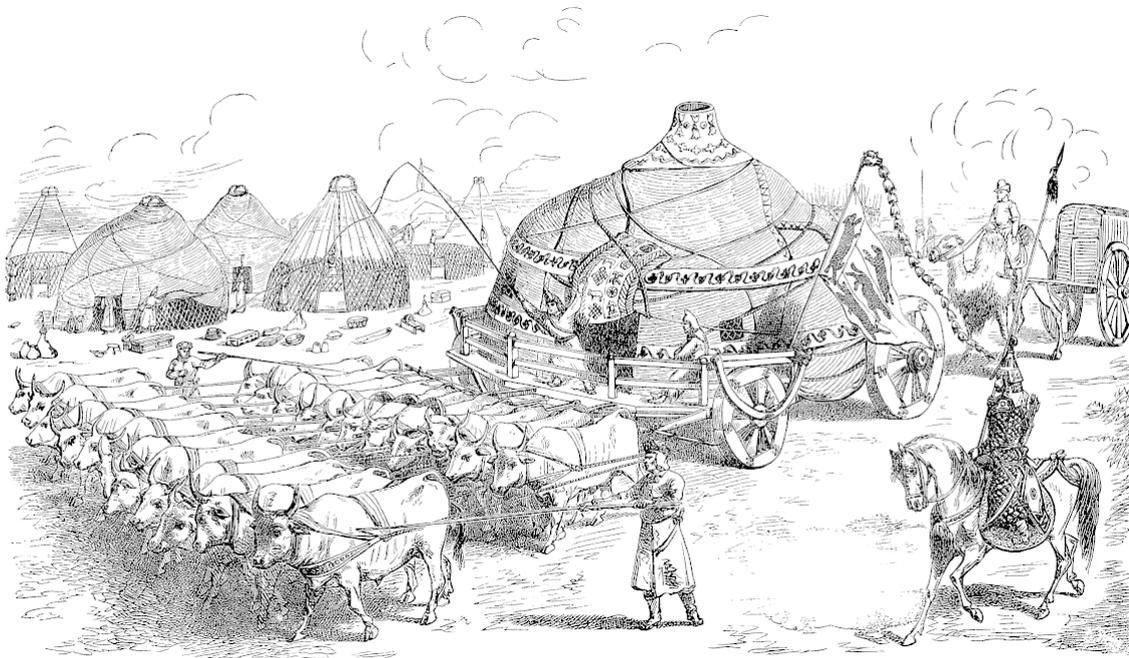
Общая численность всех монголов, по разным оценкам, могла составлять от семисот тысяч до миллиона человек – даже по тем временам, особенно с учетом обширной территории, совсем немного. Казалось бы, явно недостаточно для создания паневразийской империи.

Жизнь в Монгольской степи

Загадку отчасти объясняют условия, в которых существовал и закалился этот воинственный народ. Францисканец Джованни дель Пано Карпини, попавший в Монголию в середине XIII века и видевший на своем долгом пути немало бесприютных, диких краев, пишет с содроганием, что эта земля «гораздо хуже, чем мы могли бы высказать». Зимой температура здесь опускалась до минус сорока; летом поднималась до плюс сорока, так что всё выгорало и трескалась почва. Выжить в такой среде могли только очень неприхотливые, физически крепкие, не обремененные сантиментами люди. Естественный отбор был безжалостен: род, не способный добыть пропитание и защитить свои стада от свирепых, голодных соседей – часто собственных родичей, – погибал. (Как будет видно из рассказа о ранней жизни Чингисхана, иногда убийства из-за еды происходили и внутри одной семьи.)

Современников потрясала невероятная выносливость монголов, которые могли сутками обходиться безо всякой пищи и при этом, казалось, нисколько не слабели. Современные иссле-

дователи объясняют это диетой, состоявшей из сплошного белка: только мясо и молочные продукты, больше ничего. (Впоследствии, уже во времена империи, чужестранцев будет удивлять, как распространена среди монгольской знати подагра – болезнь, вызываемая диспропорционально протеиновым питанием.)

Монголы в пути. Рисунок из «Путешествия Марко Поло»

Трем главным законам выживания – добывать пищу, защищаться от сильных, нападать на слабых – детей учили с необычно раннего возраста. Каждый монгол с малолетства был охотником, наездником и искусным стрелком.

При столь суровой жизни род не мог позволить себе роскоши освободить женщин для домашней работы; существовало разделение хозяйственных занятий. Французский посланник Вилгельм де Рубрук в 1253 году пишет: «Обязанность женщин состоит в том, чтобы править повозками, ставить на них жилища и снимать их, доить коров, делать масло и грут [пиво], готовить шкуры и сшивать их, а сшивают их они ниткой из жил... Они шьют также сандалии, башмаки и другое платье... Мужчины делают луки и стрелы, готовят стремяна и уздечки и делают седла, строят дома и повозки, караулят лошадей и доят кобылиц, трясут самый кумыс, то есть кобылье молоко, делают мешки, в которых его сохраняют, охраняют также верблюдов и выючат их. Овец и коз они караулят сообща и доят иногда мужчины, иногда женщины». Ездить верхом и стрелять из лука девочек учили так же, как и мальчиков, – одним скотоводством прокормиться не получалось, каждый охотник был на счету.

Монгольские женщины

На высоком социальном статусе монгольских женщин – явлении для той эпохи необычном, поражавшем иностранцев, – нужно остановиться чуть подробнее, иначе будет непонятна роль, которую играли в политической жизни монгольского государства и Золотой Орды ханши, часто становившиеся регентшами и концентрировавшие в своих руках огромную власть.

Монголам, судя по всему, было совершенно чуждо высокомерно-пренебрежительное отношение к «слабому полу», который у них, впрочем, слабым не являлся.

Одно из изречений Чингисхана гласит: «Хорошие мужи узнаются по хорошим женам». Великий хан судил по своей матери и жене – обе они были женщинами незаурядными. На европейских современников монголки производили сильное впечатление. Плано Карпини пишет: «Девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины. Мы также видели, как они носили колчаны и луки. И как мужчины, так и женщины могут ездить верхом долго и упорно». Де Рубрук обращает внимание и на внешность монголок: «Все женщины сидят на лошадях, как мужчины, расставляя бедра в разные стороны, и они подвязывают свои куколи по чреслам шелковой тканью небесного цвета, другую же повязку прикрепляют к грудям, а под глазами подвязывают кусок белой материи; эти куски спускаются на грудь. Все женщины удивительно тучны; и та, у которой нос меньше других, считается более красивой. Они также безобразят себя, позорно разрисовывая себе лицо. Для родов они никогда не ложатся в постель».

Межгендерное распределение обязанностей объясняет, как монголам, народу немногочисленному, удавалось выводить в поход такие большие армии. По закону Чингисхана, основывавшемуся на древних обычаях, женщины должны были служить государству так же, как мужчины, и в отсутствие мужей брать на себя всю их обычную работу. Монголки были вполне способны справиться с этой задачей.

Как выглядели монголы той эпохи? Поскольку сами они свой внешний вид не описывали (да и зачем?), нам приходится довольствоваться свидетельством посторонних наблюдателей.

«Безобразные и нечистоплотные монголы, считавшие опрятность даже пороком, питавшиеся такой грязной пищей, которой одно описание возбуждает омерзение», европейцам решительно не нравились (эту цитату я взял из Карамзина, который, повторю, и сам был азиатского происхождения).

Вероятно, монголы XII века выглядели так. *И. Сакуров*

Насчет нечистоплотности и неопрятности, судя по всему, правда. У монголов почти полностью отсутствовало представление о гигиене. «Когда они хотят вымыть руки или голову, – пишет Рубрук, – они наполняют себе рот водою и мало-помалу льют ее изо рта себе на руки, увлажняют такой же водою свои волосы и моют себе голову». Он же сообщает: «Платьев они никогда не моют, так как говорят, что Бог тогда гневается и что будет гром, если их повесить сушить. Мало того, они бьют моющих платье и отнимают его у них... Никогда также не моют они блюд; мало того, сварив мясо, они моют чашку, куда должны положить его, кипящей похлебкой из котла, а после обратно выливают в котел».

Монголы были низкорослыми, гибкими. Мужчины не стригли свои жидкие усы и бороды; на макушке выстригали прямоугольник, заплетая сзади волосы в две косы. Девушки, выходя замуж, тоже выбривали темя – до самого лба.

Различие в платье между обоими полами было незначительным, что естественно с учетом почти одинакового образа жизни. У женщин верхняя одежда была несколько длиннее, вот и всё; чтобы она не стесняла движений, в ней спереди делали разрез и завязывали на боку.

Плано Карпини пришел к заключению, что монголы «отличаются от всех других людей», а этот автор, напомню, посетил немало народов, в том числе и степных.

Степное общество

Устройство жизни у этих кочевников было таким, что, казалось, объединить их совершенно невозможно. Вечная нехватка пастбищ и дичи заставляла селиться небольшими групп-

пами, на значительном расстоянии друг от друга, за каждой группой были закреплены свои зимовки и летовки.

Жили не племенем, а родом, который назывался *обох* и представлял собой большую, обычно полигамную семью, объединившуюся вокруг вождя – или сильного, или мудрого. Первые, и вообще все прославленные удалцы, назывались *багатурами*, вторые – *сэцэнами*. Из-за тесных родственных связей браки внутри группы воспрещались, поэтому невесту нужно было покупать или похищать в чужом стойбище. Из-за этого часто возникали вендетты, длившиеся поколениями.

Если род был зажиточный, он владел невольниками. Иногда удавалось подчинить себе более слабую группу, и она вся становилась родом-невольником.

Перемещаясь на дальние расстояния – из-за необходимости перегнать скот или ради большой охоты, – роды одного племени съезжались вместе, потому что из-за пастбищ и охотничьих угодий нередко приходилось воевать с чужаками.

Монголы не отличались набожностью, религия не имела в их жизни большого значения. Они обожествляли предков, поклонялись властителю неба Тенгри и властительнице земли Этуген. Однако с таким же почтением монголы относились и к другим конфессиям. Веротерпимость станет одним из столпов, на которых будет стоять их держава. Рубрук передает слова хана, который сказал, что бог един и подобен ладони, а религии подобны пальцам, и каждый ведет к спасению.

Известно, что во времена Чингисхана керейты и найманы перешли в христианство несторианского толка, весьма распространенное в центральной и восточной Азии; по меньшей мере двое сыновей завоевателя, Угэдей и Толуй, женились на христианках.

Самое древнее из сохранившихся изображений бога Тенгри. *Обработка Е. Фerez*

Толерантность, возможно, объяснялась тем, что при нерелигиозности монголы были очень суеверны. Людей грозные воины не боялись – особенно когда почувствовали свою силу, – но чужих богов и жрецов предпочитали не гневить. Мало ли что.

У монголов существовала масса добрых и злых примет, сакральных ритуалов, иррациональных запретов. Например, нельзя было трогать кнутом стрелу, а лезвием ножа огонь; нельзя было проливать на землю жидкость и т. п. Иностранцев, перед тем как пустить к хану, непременно проводили меж двух костров, потому что огонь искореняет злые замыслы. (Отказ подвергнуться этому обряду будет стоить Михаилу Всеволодовичу Черниговскому жизни. Благочестивый князь вообразит, что его хотят обратить в огнепоклонство, а суеверные монголы решат, что русский выдал свои черные намерения, – и убьют его.)

Шаманы, умевшие камлать и гадать по трещинам на бараньей лопатке, пользовались у монголов большим почетом. Однако когда главный шаман Теб-Тенгри, многое сделавший для возвышения Чингисхана, попытался приобрести политическое влияние, его почтительно умертвили. (По-монгольски, почтительной считалась казнь без пролития крови. Человеку переламывали позвоночник, накрывали одеялом и оставляли умирать. Такой чести будут удостоиваться Чингизиды, потерпевшие поражение в борьбе за власть.)

Потомственной аристократии у монголов, в общем, не существовало. Всякий раз, когда возникал более или менее стойкий племенной союз, его предводитель провозглашал себя ханом, возвышал своих приближенных, которые становились нойонами, и обзаводился личными дружинниками-нукерами. Однако подобные протогосударственные объединения были непрочными и долго не сохранялись.

Китай зорко следил за тем, чтобы в северных степях не возникло сильного государства, применяя древний как мир рецепт, которым всегда пользовались империи, соседствующие с варварами: стравливали их между собой. В Монголии эта стратегия давалась особенно легко – все и так враждовали друг с другом.

В ту эпоху существовало два Китая – большой и очень большой: северный Цзинь и южный Сун. Второй, где жило пятьдесят миллионов человек (восьмая часть населения планеты), находился далеко. Зато Цзинь, который был раз в десять меньше южного царства, но все равно могуществен и богат, располагался в соблазнительной близости. Монголы совершали на северных китайцев набеги, а в первой половине XII века появился энергичный вождь Хабул-хан, сплотивший множество племен и нанесший империи Цзинь несколько поражений, так что пришлось даже выплачивать ему дань. Сохранился рассказ, возможно легендарный, о том, как Хабул-хан во время встречи с императором Сюаньцзуном подергал его за бороду, привлеченный ее необычной пышностью, – и Сын Неба был вынужден стерпеть эту варварскую фамильярность.

Держава Хабул-хана просуществовала около двадцати лет, однако после смерти хана (1150 г.) рассыпалась – китайцам удалось справиться с опасным врагом руками татарских племен. В степях вновь воцарился хаос, но сохранилось воспоминание о былом величии, а кроме того у воинственного Хабул-хана осталось потомство.

Один из правнуков первого объединителя Монголии оказался человеком выдающихся способностей и невероятной удачливости. Он изменил не только судьбу своего народа, но и ход мировой истории.

Основатель империи

Как становятся великими завоевателями

Самое время вернуться к роли личности в истории. На примере Мстислава Удатного мы видели, как действия одного человека могут привести целую страну к катастрофе. Чингисхан же привел свой народ, малочисленный и нищий, к неслыханному величию. Никакой иной причины возвышения именно монголов из массы других азиатских племен кроме личности вождя, по-видимому, не было.

Биография Чингисхана является весомым аргументом в пользу той точки зрения, что деятельность одного человека может существенно изменить историю не только народа, но и всего человечества. Такие люди появляются очень редко. Можно было бы причислить сюда того, кто первым приручил лошадь, и того, кто изобрел колесо, но их имена в нашей памяти не сохранились. Фигурами еще большего масштаба были основатели трех мировых религий, однако их истинный вклад стал очевиден нескоро, через десятилетия, а то и века после их смерти. Сразу, притом драматично и радикально, меняли вектор развития цивилизаций только великие завоеватели. Они подстегивали историю, одновременно разрушая прежний мир и создавая новый, который был проекцией их воли и нес на себе отпечаток их личности.

Самый прославленный полководец истории Наполеон, чье имя стало нарицательным, до этого статуса не дотягивает. Сложись обстоятельства чуть иначе, и роль диктатора (а революции всегда заканчиваются личной диктатурой) могла бы достаться другому молодому генералу – Гошу, Жуберу или Моро. И дальше, вероятнее всего, произошло бы примерно то же самое: сначала экспансия, потом неминуемое поражение Франции и реставрация Бурбонов.

Пожалуй, с полным правом к категории людей, изменивших ход истории, можно отнести только двух завоевателей: Александра Македонского, эллинизовавшего огромные пространства Востока, и Чингисхана, монголизовавшего огромные пространства Запада. Обе державы оказались непрочными и вскоре рассыпались на куски, но каждый из осколков сохранил некоторые родовые черты принадлежности к великой империи. (В конце тома я попробую вычленить «чингисхановские» компоненты в генезисе российского государства.) При этом свершения Чингисхана в некотором роде поразительнее деяний Александра. Македонец получил царскую власть по наследству, а Эллада была самым развитым регионом тогдашней эйкумены. Чингисхан же поднялся из ничтожества и вытянул за собой к вершинам могущества один из наиболее отсталых и слабых народов тогдашнего мира.

Чингисхан. *Китайский рисунок XIV в.*

Разумеется, Чингисхан был не только великим преобразователем, но и чудовищным злодеем. Но таковы, собственно говоря, все завоеватели. (Здесь хочется привести фрагмент из воспоминаний Аполлинарии Суловой о разговоре с Достоевским. В итальянской гостинице они залюбовались очаровательной девочкой, и писатель сказал: «Ну вот, представь себе, такая девочка с стариком, и вдруг какой-нибудь Наполеон говорит: *«Истребить весь город»*. Всегда так было на свете». Да, именно так и было. Все великие завоеватели – злодеи.)

Поэтому нет смысла давать этическую оценку личности Чингисхана – с этим ясно. Гораздо интереснее разобраться в том, как формируются такие люди? Какие внешние условия и какие качества характера сделали этого человека тем, кем он стал?

По счастью, вся жизнь Чингисхана, начиная с рождения, известна в подробностях, поэтому можно попытаться найти ответы на эти вопросы. Сохранилась полухроника-полуэпос «Сокровенное сказание монголов». Этот интереснейший текст был составлен вскоре после смерти завоевателя. Конечно, там многое приукрашено и мифологизировано, но общий контур биографических данных выглядит достоверным, а во многих деталях угадывается подлинность.

Детство и юность

Не знаю, следует ли этим гордиться, но Чингисхана можно считать нашим соотечественником. Он родился на территории современной Российской Федерации, в восьми километрах к северу от монгольской границы. Впрочем, о месте, равно как и о годе рождения великого человека тянутся бесконечные споры, которые вряд ли когда-нибудь разрешатся. Большинство историков считают, что он появился на свет в 1162 году.

Как уже было сказано, он приходился правнуком великому хану Хабулу, однако отец будущего полководца Есугэй-багатур возглавлял всего лишь небольшое племя тайчжиутов, относившееся к «собственно монголам». Род Есугэя назывался Кият-Борджигин.

Сын Есугэя родился на свет, сжимая в кулачке сгусток крови, о чем непременно пишут все биографы Чингисхана, видя в этом незначительном факте глубокий символизм. Впрочем, мальчика тогда звали иначе. Отец дал ему имя Темучин – в память о том, что как раз накануне рождения первенца одержал победу над татарским вождем Темучином.

Татары отомстили своему врагу, когда мальчику было девять лет. Согласно «Сказанию», они коварно отравили Есугэя. Для семьи багатура настали тяжкие времена. Тайчжиуты бросили ее в степи, забрав всё имущество. С этих пор собственное племя стало для Темучина врагом.

Вскоре начались раздоры и внутри семьи. После Есугэя осталось две вдовы, у каждой были свои сыновья. Самым старшим из них был сводный брат Темучина по имени Бектер.

Мать Темучина (ее звали Оэлун) была настоящей монголкой – сильной и самостоятельной, а ее дети с младенчества умели охотиться и ловить рыбу. Но еды на всех не хватало, и сыновья старшей вдовы стали забирать себе всю добычу. Речь шла о том, кто выживет, а кто умрет с голода.

И тогда мальчик Темучин подкрался к Бектеру, пасшему лошадей вдали от лагеря, и застрелил его из лука. После этого обе половины семьи признали его за старшего.

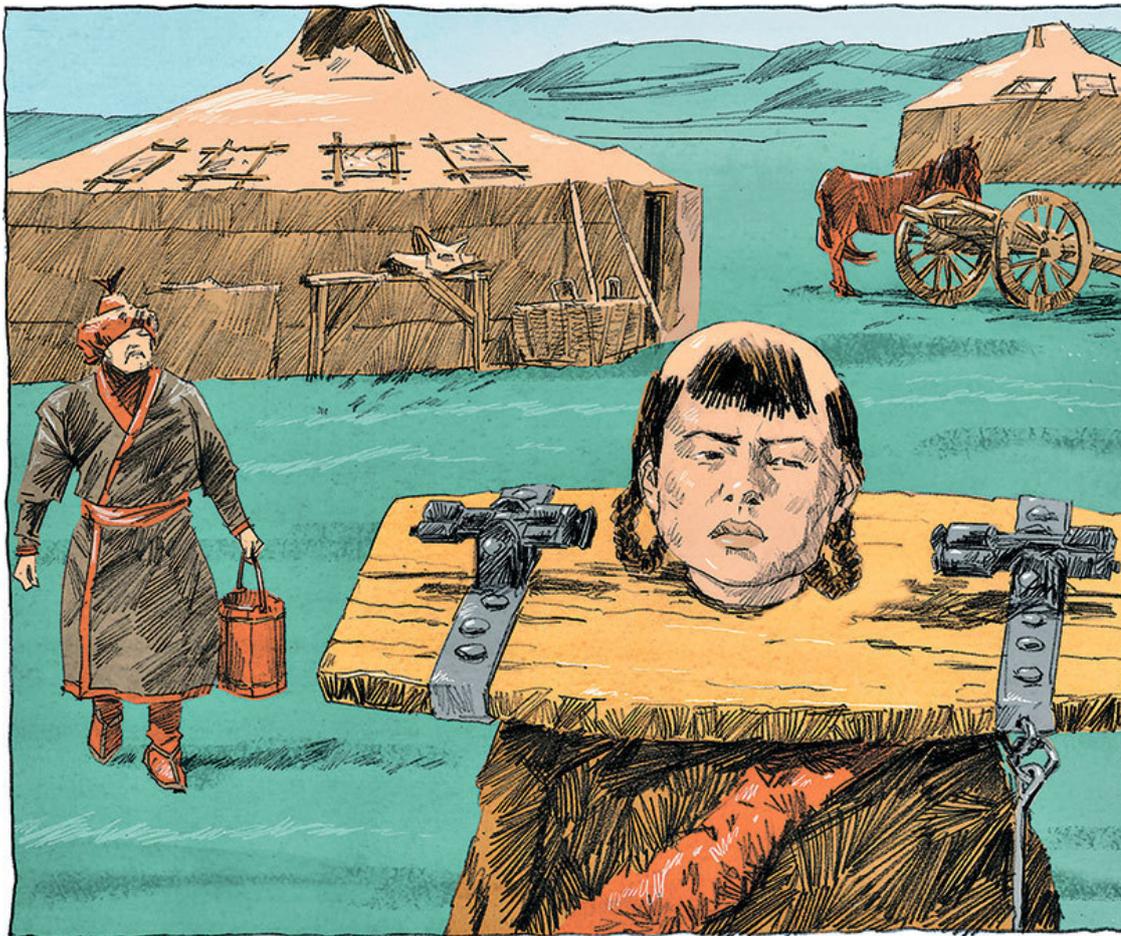
Подросток вырос и мужал. Внутренняя рознь прекратилась, и дела пошли лучше. Но случилась новая беда.

Однажды тайчжиуты напали на становище и схватили Темучина – по какой причине, «Сказание» не объясняет. Возможно, за убийство брата либо же бывшие соплеменники сочли, что подрастающий сын преданного ими вождя становится опасен.

С пленником обошлись, как с преступником: надели ему на шею массивную деревянную колодку, в которой человек становился совершенно беспомощным, не мог даже есть без посторонней помощи. В этом жалком состоянии Темучин существовал до тех пор, пока не сбежал. Ему помог один из тайчжиутов, отчего-то проникшийся к колоднику симпатией. Этот эпизод, подробно описанный в эпосе, важен – здесь ярко проявляется одно из главных дарований Темучина: он очень хорошо разбирался в людях и умел привязывать к себе самых лучших. Так будет и дальше.

Когда Темучин вернулся к своим, жизнь опять наладилась. Он был храбр и не по годам рассудителен. Вокруг него постепенно собирались надежные товарищи. Род усиливался. В восемнадцать лет юному вождю пришлось обзавестись собственной семьей.

История с женитьбой стала поворотным пунктом в судьбе Темучина.

Детство Темучина. И. Сакуров

Невеста и ее приданое

Невесту ему подобрал еще отец – договорился с вождем дружественного племени унгиратов, что кланы породнятся. Мальчику было девять лет, невесте (ее звали Бортэ) на два года больше. Но за минувшие годы всё изменилось. Есугэй-багатура давно уже не стало, а его сын не являлся предводителем тайчжиутов – более того, враждовал с ними. Но юноша уже имел хорошую репутацию, а кроме того обладал талантом располагать к себе людей. Он понравился унгиратскому вождю, который решил сдержать слово. Так Темучин получил жену, которая станет его верной соратницей, сильного союзника в лице тестя и богатое приданое.

И здесь молодой человек совершил неординарный поступок. Из всего приданого главную ценность представляла собой соболиная шуба – большая редкость для степных монголов. Темучин отправился в стан керейтов, к могущественному Тогрул-хану, побратиму покойного отца, и почтительно преподнес ему этот роскошный подарок. Тогрул-хан был тронут и пообещал юноше свое покровительство. Примерно в это же время Темучин обзавелся еще одним важным союзником, храбрым и энергичным вождем по имени Джамуха. Они дружили еще с детства, но Джамуха, в отличие от Темучина, не подвергся изгнанию, и его род был много сильнее.

Оба эти союзника вскоре пригодились новобрачному. На его лагерь внезапно напали меркиты. Двадцать лет назад Есугэй-багатур украл у них девушку (ту самую Оэлун, которая стала матерью Темучина), а в степи такие обиды помнили долго.

Примечательна холодная рациональность, которую проявил в этой кризисной ситуации Темучин. Видя, что врагов слишком много и что сопротивляться бессмысленно, он вскочил на коня и ускакал в степь, бросив свою юную жену. Меркиты увезли Бортэ с собой, что, с их точки зрения, было справедливым воздаянием за поступок Есугэя.

В одиночку Темучин с меркитами не совладал бы. Он попросил помощи у Джамухи и Тогрул-хана. Те согласились. Три вождя (Темучин был самым младшим из них) ударили по врагу, убили много мужчин и захватили много женщин, в том числе и Бортэ.

Месть свершилась, когда Бортэ уже вынашивала ребенка – очевидно, от нового меркитского мужа. Однако Темучин принял его как своего первенца. (Впоследствии у Джучи, старшего сына великого хана, а затем и у старшего сына Джучи, рокового для русской истории Бату-хана, из-за «меркитского» эпизода будет несколько подмоченный статус.)

В этой войне молодой Темучин стяжал такую славу, что о нем заговорила вся Степь. И началось медленное, упорное восхождение к вершине, начавшееся с пустяка – соболей шубы.

Попытка анализа

К этому времени, началу восьмидесятых годов XII века, характер завоевателя уже сформирован; он демонстрирует все основные качества, благодаря которым сумеет создать великую империю.

Ранние годы жизни Темучина напоминают контрастный душ: периоды относительного благополучия сменяются тяжкими испытаниями. Постоянно попадая из огня в полымя, мальчик, а затем юноша не столько обгорел, сколько закалился. Каждый новый удар судьбы сначала сбивал его с ног, но в результате Темучин поднимался еще выше.

Мы видели, что он обладал даром разбираться в людях и редкой харизмой.

Даже в ранней молодости он был предельно прагматичен. Стремясь к труднодостижимому, умел отступаться перед невозможным – именно так следует трактовать некрасивую историю с брошенной на милость врага женой.

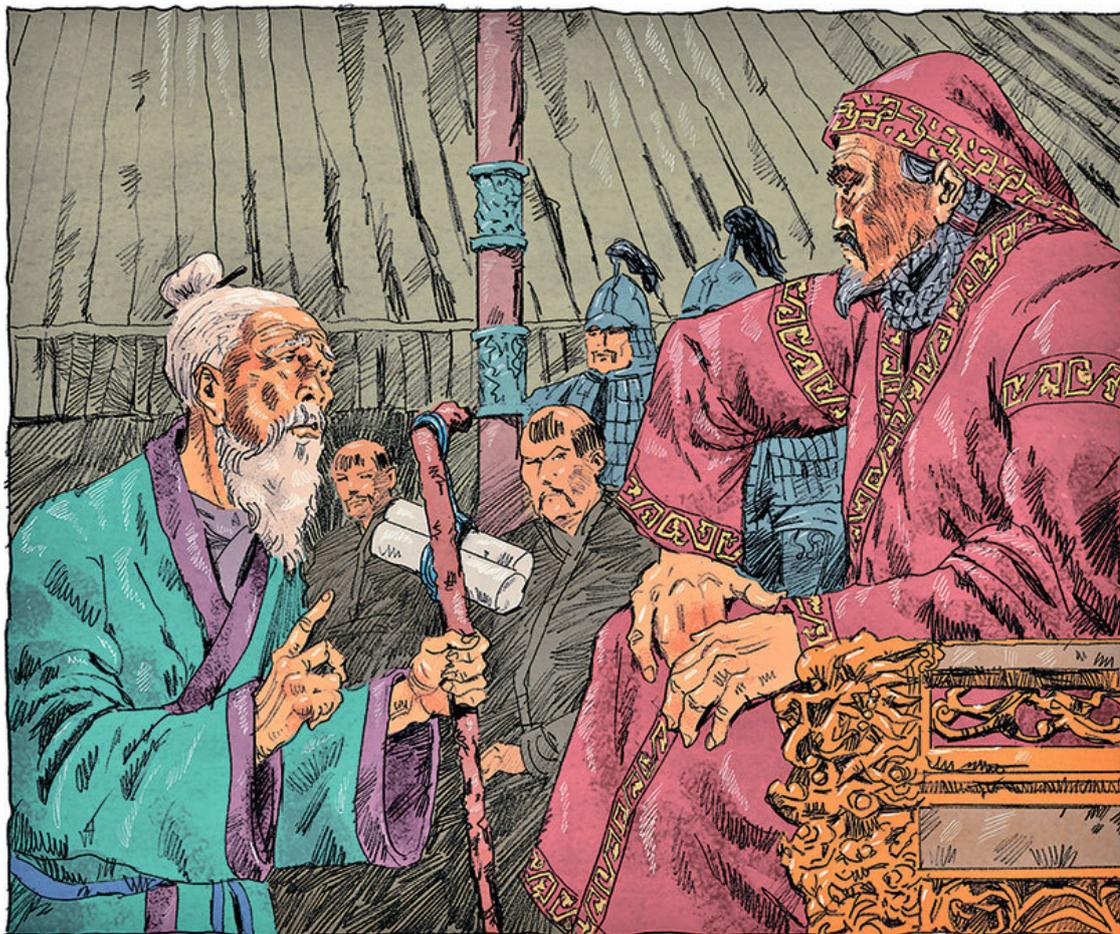
Есть еще одна иллюстрация этой характерной черты, присущей Чингисхану, – из поздней поры его жизни.

Достигнув пика земного могущества, великий хан, как это нередко случалось с мегаломаньяками, возмечтал о бессмертии. Он прослышал о том, что в Китае живет даосский учитель Чанчунь, владеющий секретом вечной жизни, и повелел привезти мудреца.

Старец очень долго добирался до ставки владыки. Наконец встреча состоялась. На вопрос хана о том, как достичь бессмертия, учитель честно ответил, что это невозможно. И Чингисхан удовлетворился этим ответом, согласившись выслушать совет о том, как, по крайней мере, подольше прожить. Чанчунь ответил расхожей истиной: избегать суетных тревог (что для правителя вряд ли возможно) и воздерживаться от излишеств.

Чингисхан наверняка был очень разочарован, однако отпустил даоса с почетом. (Не исключено, что тут сыграло роль предсказание, которое заодно

произнес китаец: что он и хан умрут в один год. Это было со стороны Чанчуня мудро.)

Даос перед владыкой мира. *И. Сакуров*

Чингисхан, разумеется, был храбр, но никогда не рисковал собой без необходимости. Кажется, он был начисто лишен горячности. Достигнув высокого положения, он перестал участвовать в рукопашной и запретил это делать всем старшим военачальникам. Поэтому, в отличие от обычая, повсеместно распространенного в войнах той эпохи, монгольские главнокомандующие всегда руководили сражением издали и очень редко погибали в бою. Когда у Чингисхана появилась такая возможность, он обзавелся целой армией телохранителей – отлично понимал, что военные империи держатся на личности вождя и что эту личность нужно тщательно оберегать.

Знаменитая жестокость Темучина объяснялась всё тем же доведенным до абсолюта прагматизмом. Завоеватель не был садистом и проявлял безжалостность исключительно «в интересах дела». Именно это больше всего и потрясло людей той весьма немилосердной эпохи: холодность и расчетливость кровопролития.

Как эта чудовищная методология будет работать в период больших завоеваний, мы еще увидим, но и в родном краю, среди своих, Темучин вел себя точно так же.

Захватив в плен множество татар, народа ему враждебного и слишком многочисленного, Темучин велел всех мужчин истребить, а мальчиков провести мимо телеги: кто выше колеса – убить, остальных же отдать на воспитание в монгольские семьи. Очень рационально и ничего личного.

Когда один из собственно монгольских, то есть близких по крови родов в назначенное время не прибыл к месту сбора, Темучин предал всех без исключения смертной казни – чтоб раз и навсегда отучить подданных от недисциплинированности. (И отучил.)

Именно у Чингисхана в XX веке позаимствует концепцию холодной, математической жестокости Адольф Гитлер. (Немецкие фашисты вообще многому научились у великого хана, мы еще на этом остановимся.)

Счастье Чингисхана

Ключ к личности Чингисхана, объяснение великого голода, побуждавшего этого человека проглатывать царства и народы, дает фрагмент из «Сокровенного сказания», описывающий беседу хана с соратниками.

«Однажды Чингисхан спросил у Боорчу-нойона, который был главой беков: «Наслаждение и ликование человека в чем состоит?» Боорчу сказал: «Состоит в том, чтобы человек, взяв на руку своего сокола синецветного, который питался керкесом и зимой переменил перья, и сев на хорошего мерина откормленного, охотился ранней весной за синеголовыми птицами и одевался в хорошие платья и одежды».

Чингисхан сказал Боорхулу: «Скажи также и ты».

Боорхул сказал: «Наслаждение состоит в том, чтобы животные, подобные кречету, летали над журавлями, пока не низвергнут их с воздуха ранами когтей и не возьмут их».

После того спросил так же у детей Кубилая, они ответили: «Блаженство человека состоит в охоте и в умении заставить (охотничьих) птиц летать».

Тогда Чингисхан ответил: «Вы неправильно сказали. Наслаждение и блаженство человека состоит в том, чтобы подавить возмущившегося и победить врага, вырвать его из корня, взять то, что он имеет, заставить вопить слугителей его, заставить течь слезы по лицу и носу их, сидеть на их приятно идущих жирных меринах, любоваться розовыми щечками их жен и целовать, и сладкие алые губы – сосать».

Однако одной лишь хищной алчностью империи не создаются, здесь необходима идеология. И она у Темучина-Чингисхана безусловно имела.

Он был одержим мечтой о создании Единого Мира и совершенного государства. В эпоху всеобщей разобщенности и беззакония, когда властвовала грубая сила, идеалом земного устройства представлялась империя, охватывающая весь мир, управляемая одной волей и живущая по одинаковым правилам.

Образная метафора такой державы – девушка с золотым блюдом, которая может пройти от края до края, не лишившись ни чести, ни блюда, – существует очень давно, и ее приписывали разным историческим деятелям, но в литературной традиции она приросла именно к Чингисхану, потому что ему почти удалось осуществить эту фантастическую задачу: он и его потомки создали огромную империю, в которой работал единый закон и существовал относительный порядок.

«Властитель Океана»

Дарования, черты характера и стечение обстоятельств помогли Темучину подняться на самый верх степной иерархии. Со временем обнаружилось еще одно свойство, без которого честолюбивый вождь не достиг бы своей цели. Оказалось, что он умеет не только сходить

с полезными людьми, но и избавляться от них, когда они исчерпывают свою полезность и становятся помехой на его пути.

У союзников Темучина был выбор: или признать его первенство – и вместе с ним двигаться дальше, или бороться за лидерство – и погибнуть.

С обычной прагматичной безжалостностью Темучин уничтожил и побратима Джамуху, который не желал смириться с неизбежным, и названного отца Тогрул-хана, и верховного шамана Теб-Тенгри, слишком много о себе возомнившего. Великая идея, которой служил Темучин, была неизмеримо важнее долга благодарности и личных привязанностей.

В начале самостоятельного пути, уже провозгласив себя ханом (пока еще не «великим»), Темучин мог собрать для войны тринадцать тысяч воинов. Он покорил один за другим, иногда не с первого раза, все главные племенные союзы: меркитов, татар, найманов, керейтов. Эта борьба, погружаться в подробности которой сейчас не имеет смысла, длилась лет двадцать и закончилась весной 1206 года, когда на великом курултае, съезде всех степных вождей, победитель междоусобной войны был объявлен верховным правителем и принял имя, под которым он войдет в историю: Чингисхан.

Чингисхана провозглашают великим ханом. *Персидская миниатюра XIII–IV в. в.*

Есть несколько версий относительно значения этого имени. Возможно, оно происходит от тюркского слова *денгиз* («море» или «океан»); если так, переводить его следует как «Властитель Океана», то есть «Вселенский Властитель». На западномонгольском наречии «чингис» значит *сильный*, и тогда имя значит «Могущественный Властитель». Если – есть и такая гипотеза – в основе имени китайское слово *чъен* («истина»), Темучин нарек себя «Истинным Властителем». В любом случае, смысл нового титулования ясен: новый вождь одной Монголией ограничиваться был не намерен.

В это время армия объединителя страны разрослась уже примерно до ста тысяч человек; о боевых качествах этого войска будет рассказано отдельно.

Не менее важно то, что разрозненные и вечно враждующие племена теперь объединились в один народ, одну нацию, свято верившую в силу, мудрость и звезду своего вождя.

Всё было готово к завоеванию мира.

Давайте изучим поподробнее, как был устроен механизм, сделавший возможным осуществление этой, казалось бы, химерической мечты.

Законы Чингисхана

Реформатор

Небольшой народ стал могучей силой благодаря тому, что превратился в нацию, а произошло это вследствие, выражаясь по-современному, революционной национальной политики Чингисхана. Он решительно разрушил всю прежнюю родо-племенную структуру, порождая раздоры. Держава была военной; ее опорой и государствообразующей базой являлась армия, которую великий хан построил по новому принципу.

Войско делилось на тумены – десятитысячные корпуса, тысячи, сотни и десятки, но новизна заключалась не в этом, а в том, что в одном подразделении служили представители разных родов, крепко соединенные круговой порукой и общей ответственностью. Преведняя лояльность, основывавшаяся на кровном родстве, упразднялась; вместо нее возникала новая – по отношению к властителю. Еще важнее, что из-за совместной службы и боевого товарищества у монголов создавалось чувство принадлежности к одному народу.

Другим, не менее важным нововведением был меритократический принцип продвижения по службе. Знатность и даже этническое происхождение не то чтобы вовсе утратили значение, но ценились меньше воинских или деловых (если речь шла о гражданской администрации) качеств. Благодаря этому наверх выдвигались действительно способные люди – как уже знакомые нам Субэдей и Джэбе.

Чингисхан был истинно выдающимся правителем еще и в том смысле, что он не пытался всё делать сам, а умел находить для каждого задания самого пригодного исполнителя и доверял его способностям. Именно поэтому монголы могли вести войну сразу на нескольких фронтах и наносить одновременные удары в разных направлениях.

Вероятно, Чингисхан был первым монархом, превратившим заботу о своей личной безопасности в государственный принцип.

Первая спецслужба

Одним из первых указов великого хана объединенной Монголии было учреждение постоянной дружины телохранителей. Она называлась *кэшик* и состояла из тысячи отборных воинов. Со временем этот полк разросся до целого тумена, то есть десятикратно увеличился. Армию собирали по становам только на время войны, кэшик же существовал на постоянной основе. Случалось, что это соединение использовали и в бою, в решающий момент генерального сражения, но главной функцией кэшика была охрана ханской ставки и – гораздо шире – державы. Именно кэшик уничтожал заговорщиков и смутьянов из числа родственников и приближенных правителя.

В привилегированный корпус кроме доблестных багатуров попадали сыновья военачальников, так что кэшик представлял собой нечто вроде аристократической лейб-гвардии, служба в которой была престижна и открывала путь к большой карьере. Даже рядовой воин кэшика по своему положению стоял выше армейского тысячника, который не смел перечить гвардейцу, подсудному лишь самому государю. Гвардейцев посылали с

особенно важными поручениями; иногда они временно возглавляли большие воинские отряды.

Кэшик являлся важным элементом государства, средством прямого контроля над армией и администрацией. Близость к особе властителя и его доверие выводили целую категорию служилых людей за рамки существующей иерархии. Пожалуй, можно считать Чингисхана «автором концепции» спецслужбы как опоры и кадрового резерва верховной власти.

Лейб-охраняющие структуры, разумеется, существовали и раньше, но никогда в таком откровенно возвышенном статусе, с явными признаками сакрализации. Вид телохранителей хана должен был внушать трепет. Во времена, когда в степном мире еще не существовало самого понятия униформы, кэшик был оснащен по принципу единообразия: воины носили черные доспехи и ездили на вороных конях. В будущем элитные войска диктаторов, от опричников до эсэсовцев, будут носить обмундирование того же зловещего цвета – и с той же целью: внушать трепет.

Чингисхан создал организационный и этический каркас, на котором потомки завоевателя продолжали строить империю и после его смерти. Этот свод законов и заветов, первоначально, видимо, разрозненных, в конце XIII века был сведен воедино в документе, получившем название «Великая Яса» (от монгольского слова *ясак*, «повеление»). Кодекс совершенствовался и уточнялся, однако его главные положения несомненно были сформулированы самим основателем.

Гвардия Чингисхана. И. Сакуров

Георгий Вернадский высказывает правдоподобное предположение, что Чингисхан мнил себя не просто завоевателем, а пророком новой веры, «инструментом Бога для установления порядка на земле» – поэтому монголы будут считать мятежниками чужеземных царей и князей, которые отказывались повиноваться «Вселенскому Властителю». «Великая Яса» была для монголов не только сборником установлений, но и священной книгой, учебником нравственного поведения.

Учебник монгольской жизни

И действительно, этические декларации занимают в «Великой Ясе» чуть ли не главное место. Многие из этих предписаний, обращенных к монголам, в высшей степени похвальны: любить друг друга; уважать чистых, справедливых и мудрых людей, к какой бы нации они ни принадлежали; препятствовать злу и несправедливости; не воровать; не лжесвидетельствовать; не прелюбодействовать; делиться пищей с товарищами; осуждать предательство; чтить священнослужителей всех религий; не придавать значения богатству; быть равными в труде; женщин похищать нельзя; покупать и продавать жен тоже нельзя; все дети считаются законно-рожденными и обладают одинаковыми правами; никого из монголов нельзя обращать в рабство и так далее.

В русских летописях и фольклоре татаро-монголы предстают исчадиями ада, а их государство – царством жестокости и зла. На самом же деле законы Чингисхана и его последователей были не только разумны, но во многом и гуманны. Одной из обязанностей хана было помогать беднякам, для чего предписывалось содержать специальный фонд. Правительство должно было иметь резервные продовольственные склады на случай голода, а при засухе рыть для населения колодцы.

Многие статьи Ясы посвящены регулированию повседневной жизни и быта – например, правилам охоты, которая являлась важнейшей сферой степной жизни.

Также в этом документе содержался перечень наказаний за различные уголовные преступления, и здесь монгольский закон был суров: телесные наказания и смертная казнь применялись очень широко (отсюда эти кары потом перекочуют в русские судебники, хотя в домонгольские времена столь жестокие кары на Руси – во всяком случае по судебному приговору – не практиковались).

Но для нас сейчас важны не моральные или юридические правила монголов, а законы, определявшие строение государства.

Ханская охота тоже следовала установлениям Ясы. *Китайский рисунок XIII в.*

По форме управления первоначальная монгольская империя была монархией, но не наследственной в традиционном смысле, когда власть передается от отца к сыну, а выборной: монарх должен был избираться на Великом Курултае, в котором принимали участие представители всех племен, а позднее улусов, то есть «вице-королевств» империи. Великий хан избирался среди Чингизидов, прямых потомков Завоевателя, которые тем самым возводились в ранг некоей особой касты, августейшей фамилии. (Рискованный способ передачи верховной власти, впоследствии вызвавший немало гражданских войн, был для Чингисхана мерой вынужденной, но мы обратимся к этой теме несколько позже.)

Все монголы, избранный народ, – и мужчины, и женщины – объявлялись служителями державы, государственными людьми, а сама империя уподоблялась армии. В административном смысле страна повторяла структуру войска – делилась на военные округа, генерал-губернаторы которых имели ранг темника, а под ними находились губернаторы-тысячники и уездные начальники-сотники. Во время войны каждая административная единица должна была мобилизовать установленное количество ратников.

Законы военной субординации, абсолютного повиновения хану распространялись на все сферы жизни. Плано Карпини пишет: «Он приказывает, где должны жить темники; темники, в свою очередь, дают приказания тысяцким; последние – сотникам, а они – десятникам. Более того, когда бы, что бы и кому бы император ни приказал, будь то война, жизнь или смерть, они подчиняются ему, не прекословя».

Интересно, с какой поразительной быстротой совершилась бюрократизация империи, в момент своего создания еще не имевшей письменности. Однако без регистрации, учета и отчетности, без постоянного «документопотока» большое государство существовать не может – и Чингисхан отлично это сознавал. Известно, что, одолев найманов, самое развитое из степных племен, имевшее навыки грамоты, хан велел привести к нему главного найманского писмоводителя и потребовал, чтобы тот посвятил его в тайны букв. И появилась монгольская письменность, ставшая основой делопроизводства.

Но Чингисхан, хорошо понимавший значение материальной объективации символов власти, пошел дальше. Он ввел позаимствованную у китайцев систему нагрудных табличек или пластинок – предшественницу будущих эполет и мандатов. *Пайцза* обозначала ранг и полномочия. Она могла быть золотой, серебряной, медной – хоть деревянной, но человек с этим знаком был частицей власти и потому обладал особыми правами. Тот, кто не повиновался пайцзе, совершал преступление против великого хана. Табличка защищала ее носителя (им мог быть не только военачальник или чиновник, но купец или чужеземный посол) лучше любой охраны. Кроме того, статус пайцзы соответствовал разряду обслуживания на дорогах.

Еще одно важнейшее условие нормальной работы большой империи – связь между регионами и быстрота коммуникаций. Чингисхан и его наследники создали ямскую систему (слово *ям*, от которого произойдет русское «ямщик», монгольского происхождения): регулярную конно-почтовую службу, станции которой находились на расстоянии примерно в 30 километров одна от другой. Иностранцев будет поражать скорость, с которой указы великого хана преодолевают огромные расстояния: триста километров за день. Увешанный колокольчиками гонец скакал во весь опор, на станции его приближение слышали издали, и следующий курьер, на свежем коне, был уже наготове.

Так была устроена империя, с которой предстояло столкнуться Руси. Порядка, функциональности, а главное, *целеустремленности* в державе Чингизидов было неизмеримо больше, чем у любого государства той эпохи. Уже это делало завоевателей огромной силой. Но явствен-

ней всего монгольское лидерство проявлялось в боевых качествах армии и воинском искусстве, с которым русские впервые познакомились на Калке.

Лучшая армия мира

Монгольские воины

Сила всякой армии в первую очередь определяется боевыми качествами личного состава.

Монголы были нацией прирожденных воинов. Они не отличались статью и ростом, но поражали современников физической крепостью и феноменальной выносливостью. Легко переносили любые лишения – отсутствие пищи и воды, зной и мороз, – они превосходно ориентировались на незнакомой местности и обладали очень острым зрением (все эти способности развивались у них из-за суровой жизни на огромных открытых пространствах, которые летом превращались в выжженную пустыню, а зимой в царство снежных метелей).

Всякий мужчина был воином. Он виртуозно владел арканом, имел саблю и копье со специальным крюком – чтобы выдергивать врага из седла, однако больше всего полагался на лук.

Монгольский лук

За несколько тысячелетий существования луков в разных регионах Земли было создано множество разновидностей этого оружия, но ни одна из них не может сравниться с монгольской, даже знаменитый английский *longbow*¹, с помощью которого были выиграны знаменитые битвы при Креси, Пуатье и Азенкуре. Английские лучники могли поражать цель максимум на триста шагов; монголы били на четыреста, а бывало, что и дальше.

В 1802 году в Забайкалье была найдена каменная стела, так называемый «Чингисов камень» (сейчас он хранится в Эрмитаже). На стеле есть надпись, о точном смысле которой долго спорили ученые. Большинство пришли к заключению, что памятник поставлен после среднеазиатского похода в память о выдающемся достижении Есунгу, племянника Чингисхана: богатырь пустил стрелу на 335 альдов, то есть более чем на 500 метров.

Начальная скорость полета стрелы составляла 300 метров в секунду, так что лучник мог на значительном расстоянии пробивать доспехи – во всяком случае, когда монголы научились делать обоюдоострые наконечники из закаленного железа. (Поначалу наконечники были из обожженного дерева, поскольку в степи кольчуг никто не носил, а металла всегда не хватало.)

Лук был короткий, изготовленный из прочного композитного материала, с двойным изгибом, и оттого очень тугой в натяжении. Чтобы эффективно пользоваться таким оружием, требовалось развить особые группы мышц. Монгольских мальчиков заставляли тренироваться с трехлетнего возраста. Зато из них вырастали поразительно меткие лучники, которые к тому же отлично умели стрелять на полном скаку. Вот как рассказывает русская летопись о монгольской коннице, ведущей обстрел осажденного города, то есть находящейся в весьма невыгодных для боя условиях: «...И летели стрелы их в город, словно дождь из бесчисленных туч, не давая взглянуть. И многие из стоявших на стене и на заборолах, уязвленные стрелами, падали, ведь одолевали татарские стрелы горожан, ибо были у них стрелки очень искусные.

¹ Длинный лук (англ.).

Одни из них стоя стреляли, а другие были обучены стрелять на бегу, иные с коня на полном скаку, и вправо, и влево, а также вперед и назад метко и без промаха стреляли».

У каждого воина было два лука и два колчана, так что атакующая или отступающая конница могла осыпать врага стрелами на протяжении долгого времени.

«Чингисов камень». *Эрмитаж*

Еще одним мощным преимуществом монголов были их несравненные лошади. Низкорослые, брюхастые, мохнатые, они отличались не столько быстротой, сколько проворностью и, главное, выносливостью. Ели любую растительность, вплоть до палой листвы. Зимой разгребали копытами снег и жевали сухую траву. Воин имел две, а то и три запасных лошади, в походе всё время пересаживался с одной на другую, и это позволяло армии преодолевать за день большие расстояния – в среднем 120 километров за переход.

Монгольский лук. *Фотография сер. XX в.*

Передовые отряды, даже очень большие, не обременяли себя обозами. Каждый воин имел при себе всё необходимое: вяленое мясо и сушеное молоко, иголку с ниткой и инструменты для изготовления стрел, кожаный бурдюк. Последний использовался не только в качестве кувшина; при переправе через реку воин надувал емкость и мог держаться на плаву.

Готовить горячую пищу монголам не требовалось. Если удавалось добыть сырого мяса, его по древнему, применявшемуся еще гуннами способу клали под седло, и получалась отбивная (сейчас похожее блюдо называется «стейк тартар»). Когда запас продовольствия заканчивался, воин надрезал лошади вену ипил кровь, а потом зашивал рану иголкой. Так можно было продержаться еще несколько дней.

Монгол на лошади. *Китайский рисунок XIII в.*

Нововведения Чингисхана

Изначально высокие боевые качества монгольского войска многократно возросли благодаря военным реформам объединителя.

Прежняя родовая организация армии теперь была упразднена. Воины разных монгольских племен, а впоследствии и разных народов служили вместе, связанные круговой порукой. Достаточно было одному из воинов десятка обратиться в бегство – умерщвлялся весь десяток,

поэтому труса останавливали собственные товарищи. Если кто-то попадал в плен, а десяток не выручил – казнили всех. Командира – вплоть до тысячника – ратники выбирали сами. На высшие должности людей назначал хан, но руководствовался при этом способностями и заслугами. Благодаря такой системе чиновничества наверх попадали инициативные и энергичные люди, что обеспечивало армию, выражаясь по-современному, очень сильным офицерским корпусом. Под руководством подобных командиров части и подразделения могли действовать автономно, что стало одной из основ монгольской стратегии, о которой речь пойдет ниже.

Учитывая относительную слабость своих не защищенных доспехами воинов в рукопашной схватке, Чингисхан сделал основной упор на дистанционный бой. Непревзойденные лучники и превосходные всадники, монголы сначала расстреливали врага, выбивая его лучших бойцов, находившихся в первых рядах, а потом, изображая отступление, пытались вовлечь противника в погоню. Со временем в войске появилась и тяжелая, кольчужная конница, которая в решающий момент наносила по расстроенным рядам неприятеля сокрушительный удар.

Чингисхан полагался на стрелы больше, чем на сабли, еще и потому, что очень берег своих людей. Зато вражеские отряды он старался не просто обратить в бегство, а уничтожить до последнего человека. Монголы не прекращали погони до полного истребления неприятеля.

Монгольский лучник. Японский рисунок XVIII в.

Очень большое значение Чингисхан придавал обучению и подготовке.

Монголы умели быстро и эффективно восполнять потери за счет рекрутов из числа покоренных народов. Новобранцев растворяли среди ветеранов, которые учили чужаков необходимым навыкам, и скоро такой десяток, в котором коренные монголы часто оказывались в меньшинстве, бился не хуже других. Многие из побежденных племен тоже были степняками, прирожденными наездниками, что облегчало задачу обучения, а дисциплину обеспечивал жестко соблюдаемый принцип круговой поруки. Нередко случалось, что, продвигаясь вперед, монгольская армия не уменьшалась, а увеличивалась за счет притока новых бойцов.

Но кроме индивидуального обучения Чингисхан практиковал и общевойсковые учения. В мирное время каждый год обязательно затевалась большая охота, в которой участвовали многие десятки тысяч людей. На огромной территории отряды загонщиков собирали и сгоняли

в одно место всю дичь, которую затем в основном отпускали обратно в степь. Это были масштабные трехмесячные маневры, в ходе которых отрабатывалась управляемость, связь, согласованность действий.

Стратегия

На этих трех китах – управляемость, связь, согласованность – держалась вся военная стратегия, разработанная Чингисханом и усовершенствованная его преемниками.

Армия действовала по единому плану, но при этом двигалась не массой, а разделялась на большие и малые отряды, охватывая обширную территорию.

Перед началом кампании собирался военный совет, в котором участвовали все командиры соединений. Разведчики, заранее посланные в выбранную для вторжения страну, сообщали добытые сведения. Специальные интенданты-*юртчи* определяли места стоянок и пастбищ для каждого из корпусов. Обязательно обзаводились проводниками, хорошо знающими неприятельские земли. Впереди, на расстоянии одного-двух переходов от основных сил, двигались передовые отряды, которые убивали всех встречных, чтобы весть о вторжении дошла до врага как можно позже.

Обычно монголы шли несколькими колоннами, и каждой был назначен свой маршрут. Между корпусами курсировали летучие отряды разведчиков и фуражиров. Связь поддерживалась через курьеров и систему дымовых сигналов.

Не зная, с какой стороны ждать главного удара, неприятель обычно отступал к какому-нибудь укрепленному пункту – городу или крепости. Монголы оставляли заслон, блокировавший осажденных, и двигались дальше. Главной целью было уничтожение основного вражеского войска. Вынуждая противника сжиматься в кулак, полководцы Чингисхана замыкали кольцо окружения, действуя по хорошо им знакомой технологии «большой охоты». После сражения, неизменно заканчивавшегося победой монголов, мало кому из окруженных удавалось спастись.

Монгольская конница. Персидская миниатюра XVI в.

Монголы и Вермахт

Множественность одновременных ударов, стремительность перемещений, запираение противника в «котлы» – всё это поразительно напоминает тактику немецких «блицкригов» и танковых прорывов времен Второй мировой войны. И сходство это неслучайно.

В тридцатые годы XX века известный британский военный историк Б. Лиддел Харт опубликовал серию работ, в которых подробно рассматривал военное искусство Чингисхана и Чингизидов. Лиддел Харт писал, что монголы добивались своих побед, эффективно комбинируя два стратегических правила: никогда не наносить лобовых ударов и максимально дезориентировать противника.

Как выяснилось уже после войны, немецкий Генштаб решил взять монгольскую методику на вооружение, заменив летучие отряды авиацией, а ударные части – танковыми корпусами. Пехоту немцы превратили в стремительную «конницу», посадив ее на танки и бронетранспортеры.

Гудериан и не скрывал, что почерпнул идею танковых клиньев из статей Лиддела Харта.

Нет никаких сомнений, что в стратегическом отношении монгольская армия XIII века намного опережала свое время и стояла неизмеримо выше всех оппонентов, с которыми ей пришлось иметь дело. Она воевала не числом, а умением (хотя отлично умела использовать и численное преимущество, если оно было), притом обычно одерживала победы, неся незначительные потери.

Психологическая война

Чингисхан стремился деморализовать противника еще до того, как придет время генерального сражения. Вероятно, это был первый завоеватель, сознательно и расчетливо использовавший методику психологической войны.

Специальные лазутчики заранее распространяли слухи о неисчислимости монгольских полчищ и о жестокой каре, которая ожидает всех непокорных.

Монголы действительно, до последнего человека, безо всякой пощады, уничтожали гарнизоны и отряды, вступившие с ними в бой, но обязательно давали нескольким пленным сбежать, чтобы те разносили панические слухи.

Прагматическая жестокость, присущая Чингисхану, в полной мере отразилась на способах ведения войны, применявшихся его полководцами. В массовых убийствах, которые они практиковали, не было ни садизма, ни зверства – одна деловитость.

Modus operandi у завоевателей был следующий. Если осажденный город не сдавался без боя, всё население вырезалось – чтобы другим было неповадно. Если же жители проявляли покорность, их выгоняли за стены и начинали сортировать. Полезных (например, ремесленников) отводили в одну сторону, физически сильных – в другую, а «беспольных» хладнокровно убивали. Тем временем в пустом городе методично, квартал за кварталом, из домов вывозилось всё ценное.

Руси еще повезло. К тридцатым годам XIII века монголы уже усвоили, что завоеванная территория, лишившись населения, никакой ценности не представляет. Выгоднее оставлять людей на месте и собирать с них дань.

Монголы убивают горожан. *Лицевой летописный свод*

Никакого почтения к чужеземной аристократии монголы не проявляли. Мужчин они убивали, чтобы не оставлять врагу вождей (если бы русские князья на Калке знали это правило, нипочем бы не сдались); знатных женщин просто превращали в рабынь. Так, например, сги-

нула в безвестности угнанная в Монголию царица Теркен-хатун, мать великого хорезмшаха. Для победителей она была просто крепкой, не старой еще женщиной, пригодной для домашней работы.

К побежденным монголы относились хуже, чем к скоту. Когда нужно было идти на приступ крепости, они гнали впереди себя мирных жителей, закрываясь ими от стрел, а то и просто заполняли несчастными рвы, чтобы поставить штурмовые лестницы на живые тела.

Людей Чингисхан берег только своих – чужие для него ценности не имели.

В те времена жестокость была нормой; враги монголов тоже милосердием не отличались, однако если зверствовали, то в порыве гнева или пылая мстью. Рассудочная безжалостность монголов была им непонятна и потому вызывала ужас.

Терроризируя местное население в период первоначального завоевания, Чингизиды добивались покорности на долгое время – память о перенесенном кошмаре сохранялась на поколения.

Состав армии

На первых порах монгольское войско было однородным – состояло только из легкой конницы, не носившей брони и использовавшей в качестве основного оружия лук. Однако, выйдя за пределы родных степей и вступив в борьбу с соседними государствами, которые воевали иначе, монголы стали перенимать у врагов всё, что могло пригодиться.

Как уже было сказано, Чингисхан обзавелся тяжелой кавалерией – причем в доспехи были облачены не только всадники, но и кони. Своего рода «латы» – легкие, из толстого китайского шелка – появились и у лучников. Эти халаты не могли уберечь от сабельного удара, но неплохо защищали от стрел.

Важным родом войск стали инженеры, появившиеся в армии после побед над царством Цзинь. Монголов повсюду сопровождали китайские мастера осадного дела, перед искусством которых не могла устоять никакая твердыня.

По той же причине, из-за необходимости брать штурмом крепости, со временем появились и пехотные части, но они набирались только из населения покоренных народов. Монголы не любили вылезать из седел.

Забываясь о своих воинах, завоеватель распределил по туменам и тысячам пленных китайских лекарей, которые умели предотвращать заражение крови – во времена, когда даже легкие ранения из-за сепсиса часто оказывались смертельными. Монгольские раненые чаще выздоравливали и возвращались в строй.

Особый интерес представляет вопрос о численности монгольской армии. Цифры, фигурирующие в иноземных (в том числе русских) хрониках, совершенно фантастичны и несомненно были продиктованы страхом, у которого глаза велики.

Самым масштабным военным начинанием Чингисхана был большой среднеазиатский поход, в котором якобы участвовало больше двухсот тысяч воинов. Это составляло бы не менее 40 % всего мужского населения тогдашней Монголии, включая младенцев и стариков, что невероятно. Многие мужчины (вероятно, большинство) должны были оставаться дома, чтобы защищать становья и стада; женщины, как бы самостоятельны они ни были, со скотом и хозяйством одни не справились бы. Более реалистичной выглядит упоминаемая в источниках численность армии в год смерти Чингисхана (1227 г.) – 129 000 человек, а ведь к тому времени империя стала больше, и это были *все* наличные воины.

Однако, если даже силы вторжения исчислялись не шестизначными, а пятизначными цифрами, все равно это была огромная для той эпохи армия – и к тому же не имевшая себе равных во всем мире.

Походы Чингисхана

Степной пожар

Особый тип государства, именуемый «империей», можно назвать «сверхгосударством». Оно не удовлетворяется границами проживания этноса или нации, а стремится вобрать в себя другие народы. Главной отличительной чертой такого образования является *газообразность*: подобно газу, империя занимает всё пространство, которое может занять. Конечная цель, даже если она не декларируется и, может быть, не сознается самими правителями, – мировая гегемония и объединение всего человечества под единой властью. Выполнить эту задачу пока еще никому не удавалось, но истории известно множество подобных попыток. Держава Чингисхана, безусловно, относится к числу наиболее впечатляющих.

Очень интересен вопрос о том, как и почему возникают империи; как зарождается могучая сила притяжения, способная собрать страны, племена и народы под одну кровлю. Не менее важно понимать законы, по которым империя перестает расширяться и начинает сжиматься или рассыпаться. Мне придется постоянно возвращаться к этой теме, поскольку Россия с определенного момента своей истории тоже превратилась в империю.

Согласно мнению ряда авторитетных историков, «имперский ген» был унаследован нашим государством извне: одни считают, что от Византии (эту версию охотно признавала и официальная идеология с ее концепцией «Третьего Рима»), другие – что от евразийской империи Чингизидов. Вторая точка зрения гораздо менее популярна, не в последнюю очередь из-за одиозности фигуры Чингисхана. Излагая события отечественной истории, я буду вновь и вновь пытаться проанализировать природу и эволюционные стадии российской имперскости. Поскольку в настоящем томе исследуется «азиатская» составляющая нашей государственности, важно понять условия, сделавшие возможным появление – притом *внезапное* – на территории, приблизительно совпадающей с границами бывшего СССР с его «соцлагерем», огромной державы, которая простиралась от океана до океана.

На примере истории Чингисхана, пожалуй, можно попробовать вычленить факторы, необходимые для создания если не любой империи, то, во всяком случае, империи военного типа. Ее можно уподобить степному пожару.

Во-первых, необходима феноменально сильная фигура вождя-основателя, чья деятельность становится искрой, разжигающей огонь.

Во-вторых, нужно, чтобы окружающая политическая среда была готова воспламениться – развивая метафору огня, назовем это «сухостью травы».

В-третьих, должен подняться ветер – и тогда пожар будет распространяться до тех пор, пока не выгорит вся трава или не стихнет ветер.

Незаурядная личность, как мы знаем, была – Чингисхан. Этот человек сумел объединить воинственный степной народ и превратить его в могучую боевую машину.

Соседние страны были, во-первых, слабее в военном отношении, а во-вторых, что не менее существенно, много богаче, чем монголы («сухость травы»).

«Ветер» же возник и усилился постепенно. Всякая военная империя (а в особенности такая, как монгольская, – легкая на подъем и не имеющая собственных ресурсов) не может обходиться без постоянной подпитки за счет новых завоеваний и грабежа. Огромное войско требуется содержать, и никакой иной возможности кроме нового похода для этого не существует.

Чем больше разрастается армия, тем масштабнее становятся войны. Мы увидим, как после особенно прибыльного среднеазиатского похода монголы на время угомонятся, но через несколько лет, проев всю добычу, окажутся перед необходимостью затеять новые завоевания, и спор будет идти лишь о том, в какую сторону света задует огненный ветер.

Империя Чингисхана была создана для войны и жила одной войной. Экспансионистский этап монгольской державы завершится только тогда, когда государственную идеологию грабежа сменит государственная идеология данничества. Империя перестанет быть сугубо военной, и «пожар» начнет стихать.

Мы еще дойдем до этого периода, пока же давайте посмотрим, как разгорался монгольский пожар.

На ближней периферии

Объединив Монголию и провозгласив себя «вселенским правителем» (если именно так следует понимать значение имени «Чингисхан»), Темучин прежде всего увеличил численность государствообразующей нации, присоединив к своему народу так называемых «лесных монголов», живших к северу от Степи, в сибирской тайге. Этот поход совершил Джучи, старший сын императора.

Затем его лучший полководец темник Субэдей пошел на остатки найманов и меркитов, откочевавших к Иртышу, разбил их и тем самым обеспечил безопасность северо-западного фланга.

Теперь наступило время вторжения в сопредельные страны.

Первой мишенью Чингисхана стало царство тангутов, тибетского народа, создавшего большое, сильное и богатое государство, выгодно расположенное на Великом Шелковом пути, по которому шел основной товаропоток между Китаем и Передней Азией. Эта война состоялась в 1209–1210 годах.

Первые походы Чингисхана. М. Руданов

Здесь, в новых условиях, монголов ждало неприятное открытие. Они без труда разгромили тангутскую армию в полевом сражении, но, когда враг отступил и засел за стенами своей столицы, выяснилось, что брать крепости степняки совершенно не умеют. Попытка затопить город, направив на него воду оросительных каналов, привела к тому, что монголы устроили наводнение в своем собственном лагере, погубив массу людей и лошадей.

Пришлось заключить мир, оставив завоевание тангутов на будущее. Впрочем, те заплатили хорошую контрибуцию и признали себя вассалами Чингисхана, для которого и тогда, и впоследствии были очень важны ритуальные знаки повиновения со стороны иноземных государств, – это подтверждало верховенство «вселенского хана» над другими владыками. (Следуя этой логике, преемники Чингисхана будут требовать изъявлений покорности даже от французского короля и папы римского.)

Разгромив или устранив западных и северных соседей, пополнив ряды армии и обогатившись добычей, Чингисхан почувствовал себя готовым к войне с государством, которое казалось монголам главной державой мира, – с северокитайской империей Цзинь.

Китаизация

Это царство находилось на несравненно более высокой ступени цивилизации, было обширным по территории, многолюдным и обладало большой армией. К тому же почти вся граница со Степью была защищена Великой Стеной, тянувшейся на многие сотни километров. В еще недавние времена империя Цзинь без особого труда справлялась с «северной» проблемой, провоцируя конфликты между монгольскими племенами, а основным своим соперником

считала еще более могущественную империю Сун, занимавшую земли центрального и южного Китая.

В 1211 году войска Чингисхана (около 50 тысяч человек) начали захватывать одну за другой пограничные опорные пункты, угрожая императору Цзинь с разных направлений и заставляя его распылять силы. Один из монгольских отрядов захватил табуны цзиньской армии, оставив ее без кавалерии. Обычная стратегия дезориентации противника дала свои результаты – монголы одержали ряд побед и в 1214 году осадили столицу Чжунду (будущий Пекин), однако брать сильные крепости они все еще не умели.

Повторилась ситуация с тангутским царством: пришлось заключить мир, по которому Чингисхан получил в жены дочь цзиньского императора с огромным приданым (фактически это была контрибуция).

Однако хану этого было мало. Через некоторое время он стал требовать, чтобы император отказался от своего титула и признал себя монгольским вассалом. Тогда двор Цзинь переехал в южную часть страны; война возобновилась.

Монголы захватили беззащитный Чжунду и перебили множество жителей. Это была первая массовая резня, которые отныне станут рутиной монгольских завоеваний.

Цзиньский Китай не сдавался еще почти двадцать лет (до 1234 года), однако Чингисхан сам в этой войне больше не участвовал. Он вернулся в Монголию и начал готовиться к еще более масштабному походу.

В результате китайской кампании хан не только захватил колоссальную добычу, но смог коренным образом укрепить свое государство и усилить войско.

Следуя правилу выдвигать толковых людей вне зависимости от их происхождения, Чингисхан взял на службу множество цзиньских чиновников, которые занялись реорганизацией административной и хозяйственной жизни его державы.

Еще важнее для военной империи были реформы в армии.

Китайская наука

Поскольку тангутский и китайский походы обнаружили беспомощность степной конницы перед крепостями, а мощь всех богатых стран зиждилась на хорошо укрепленных городах, Чингисхан создал сильный инженерный корпус, укомплектовав его цзиньскими мастерами. С этих пор никакая цитадель уже не могла остановить монгольского наступления.

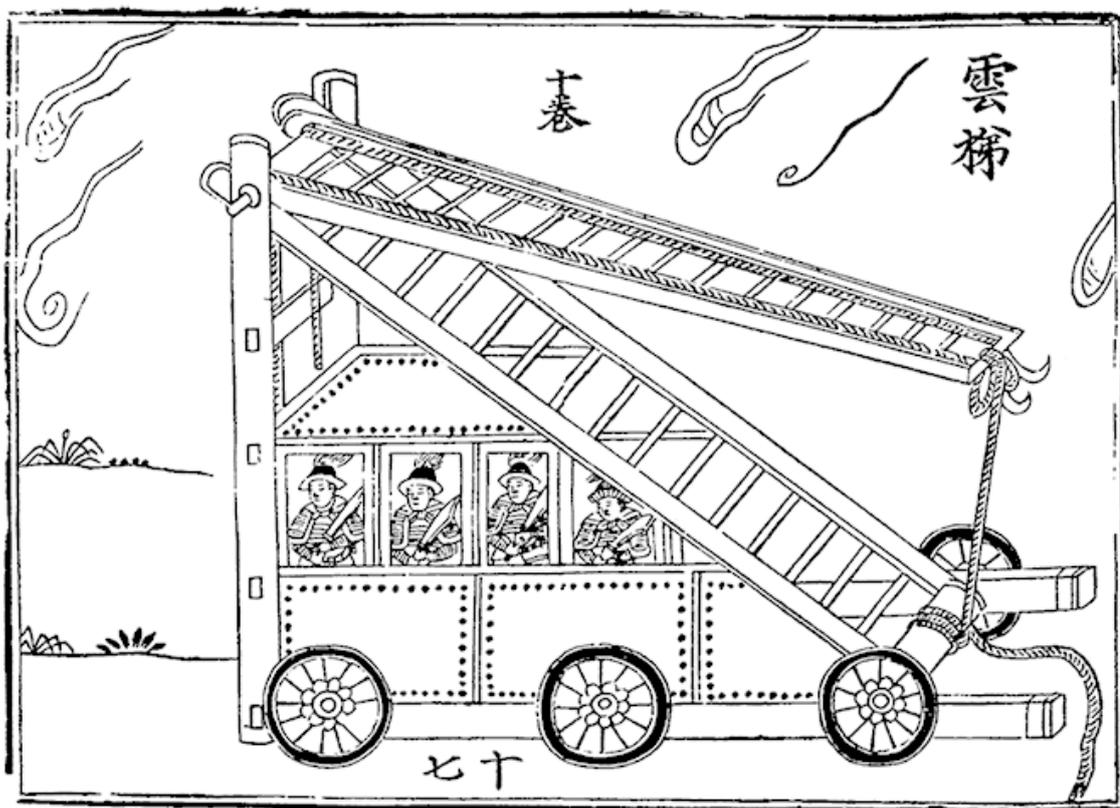
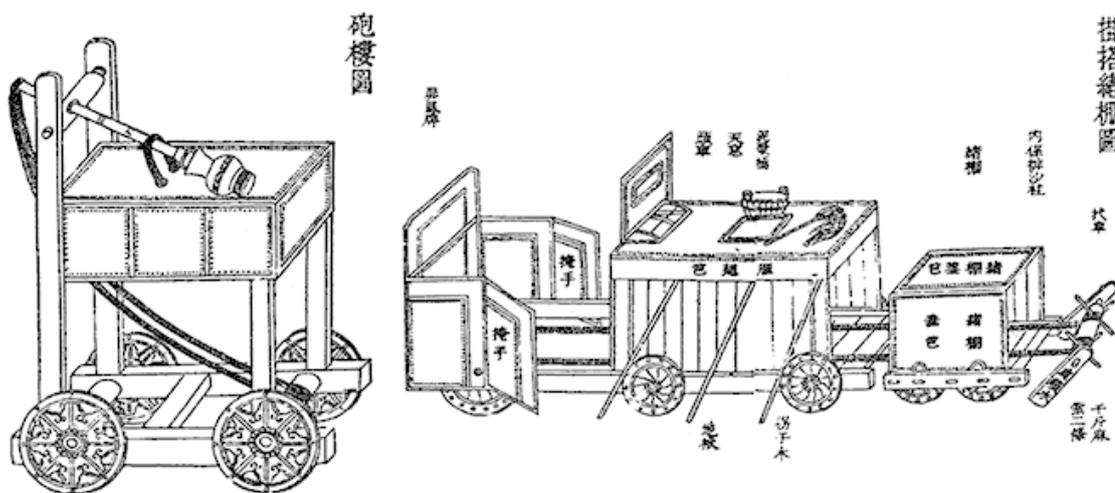
При осаде серьезных крепостей завоеватели действовали методично и неспешно.

Сначала возводили по всему периметру сплошной частокол, полностью блокируя город.

Камнеметы начинали обстреливать врага огромными глыбами; гигантские, поразительно точные баллисты пускали стрелы, сделанные из бревен; зажигательные снаряды разбрызгивали жидкий огонь, который нельзя было погасить водой; саперы рыли подкопы, чтобы обрушить стену.

Обстрел не прекращался ни днем, ни ночью. Осаждающие отдыхали, сменяя друг друга, а у осажденных передышки не было. При этом гарнизон нес потери, монголы – практически никаких. Когда же в стенах образовывались бреши и наступало время штурма, вперед, как мы помним, гнали местных жителей и немонгольскую пехоту, которую было не жалко.

Ни одна твердыня – а войска Чингизидов осаждали самые сильные крепости тогдашнего мира – не выстояла против «китайской» науки.

Китайские осадные машины. Китайский рисунок XI в.

Китайский поход 1211–1216 годов существенным образом изменил монгольскую державу. В культурном и материальном отношении она по-прежнему являлась отсталой и, с точки зрения более развитых стран, варварской, но по части военно-технологической теперь намного опережала любую из них.

Среднеазиатский поход

Это преимущество было в полной мере продемонстрировано во время завоевания Средней Азии.

Так далеко на запад взгляд Чингисхана устремился после того, как он покорил слабое царство кара-киданей, осмелившееся дать прибежище недобитым врагам великого хана – найманам.

Теперь соседом расширившейся монгольской империи оказалось богатое государство хорезмшаха Мухаммеда, включавшее в себя не только Среднюю Азию, но еще и Персию с Афганистаном. Цветущие торговые города, караванные пути, высокоразвитое сельское хозяйство делали этот край одним из самых зажиточных регионов не только Востока, но и всего тогдашнего мира.

Поначалу хорезмшах повел себя осторожно – послал к Чингисхану посольство, цель которого, очевидно, была сугубо разведывательной: выведать, насколько силен новый сосед. Должно быть, монголы не показались посланцам слишком опасными. Во всяком случае, когда хан прислал торговый караван, хорезмийцы его уничтожили.

Вероятно, Чингисхан и без того рано или поздно напал бы на Мухаммеда, но это вероломство ускорило события.

Первым делом Чингисхан повел армию на Отрар, где были убиты послы-купцы. Времени на осаду тратить не стал, оставив заслон, и пошел дальше, на Бухару.

Войско хорезмшаха было гораздо многочисленнее, однако Мухаммед повторил ошибку цзиньских полководцев. Не зная, какая из монгольских колонн нанесет главный удар, он разделил армию, сгруппировав ее вокруг городов-крепостей. Чингисхан смог уничтожить все эти группировки поодиночке.

С помощью китайской техники он взял и Отрар, и Бухару, и Самарканд – возможно, самый населенный город тогдашней эпохи. (Там жило около полумиллиона человек, раз в десять больше, чем в Париже.)

Хорезмшах со свитой. *Персидская миниатюра*

Затем наступила очередь хорезмской столицы Ургенча, который тоже пал.

Все города, осмеливавшиеся оказать сопротивление, разорались дотла, а их население истреблялось. Богатый Мерв имел неосторожность казнить захваченных в плен монголов из

передового отряда. За это монголы не спеша, планомерно, зарезали всех жителей кроме четырехсот особо ценных мастеров. Город, в котором проживало несколько десятков тысяч человек, превратился в кладбище.

Не буду подробно описывать все перипетии среднеазиатского похода Чингисхана, продолжавшегося с весны 1219 до осени 1221 года; остановлюсь лишь на двух эпизодах этой грандиозной кампании.

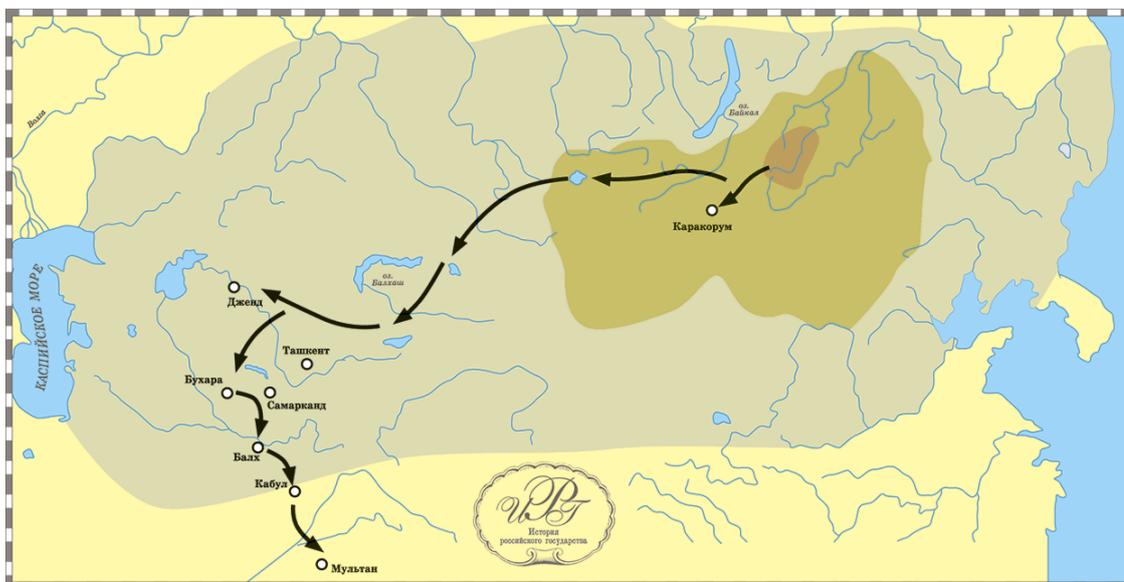
Не непобедимы

Один из них примечателен как первый пример неудачи монголов в бою.

Поражение не было сокрушительным, однако оно продемонстрировало, что с этим страшным врагом можно успешно воевать – если лишить его главных козырей. Честь первого победителя грозных степных воинов принадлежит принцу Джелал-ад-дину, сыну хорезмшаха. Это был смелый и упорный военачальник, попортивший монголам немало крови.

Весной 1221 года Джелал-ад-дин дал преследовавшему его монгольскому корпусу сражение в Парванском ущелье (Афганистан). Условия местности не позволили монголам применить их излюбленную тактику окружения и маневрирования, а против конных лучников хорезмский принц тоже выставил стрелков – только пеших, укрывшихся за камнями. Выманить противника ложным бегством в преждевременную контратаку монголам не удалось. Они применили еще одну излюбленную уловку: посадили на запасных коней соломенные чучела, чтобы создать впечатление, будто подошло большое подкрепление, – тоже не подействовало. В конце концов они отступили, оставив на поле брани половину воинов.

Придет время, когда и русские полководцы научатся эффективно противостоять монгольской тактике, но это будет еще очень нескоро.

Среднеазиатский поход Чингисхана (1219–223). М. Руданов

Второй эпизод имеет непосредственное отношение к нашей истории. Я имею в виду рейд чингисхановских темников, завершившийся сражением на реке Калке. Просто теперь, когда

монголы для нас уже не «языци незнаеми», мы имеем возможность посмотреть на это событие с другой стороны.

Когда основные силы Мухаммеда были разгромлены, его столица пала, а сопротивление возглавил храбрый принц Желал-ад-дин, сам великий хорезмшах думал только о собственном спасении. Он уже хорошо знал, какая участь ожидает виновника гибели монгольских послов.

Рейд Субэдея и Джэбе (1220–224). М. Руданов

Мухаммед пустился в бег. Его свита, вначале многочисленная, постепенно таяла. В конце концов, бывший владыка центральной Азии спрятался на маленьком островке в Каспийском море, где вскоре умер, всеми оставленный.

Чингисхан отрядил в погоню за врагом лучших своих военачальников, Субэдея и Джэбе, дав им два тумена. Не найдя хорошо спрятавшегося хорезмшаха, корпус возмездия прошел через весь Кавказ, сокрушая сопротивление попадающихся на пути стран, потом вышел в Степь, которую половцы привыкли считать своей (она так и называлась – Половецкой или Кипчакской Степью), а дальнейшее нам известно: разбитый хан Котян побегал жаловаться своему воинственному зятю, тот перебаламутил князей, и русское войско пошло навстречу своей гибели.

С точки зрения монголов, всё это, вероятно, выглядело следующим образом.

Какие-то неведомые чужеземцы с бородатыми лицами, неестественно светлыми волосами, в железных кольчугах и остроконечных шлемах, почему-то стакнулись с половцами и варварски убили послов, отправленных к ним с разумными, мирными словами: мы-де против вас ничего не имеем и завоевывать вас не собираемся (что было правдой). Чудовищное злодеяние требовало наказания – иначе Субэдею и Джэбе пришлось бы нести ответ перед великим ханом. Исполнив предписание степного закона, монголы повернули обратно на восток. Это

русская летопись сочла, что они неведомо «где се деша» (куда делись); на самом же деле воины после долгих странствий отправились с дальнего края земли домой, в Монголию.

Смерть великого завоевателя

Сколь бы великим ни был человек, который сумел повернуть ход истории, рано или поздно его время заканчивается. Как мы помним, секрета вечной жизни от даосского старца Чингисхан не получил, а мудрым советом продлить земные годы посредством умеренности в эмоциях и привычках, по-видимому, не воспользовался.

Завоевав огромные пространства центральной Азии, император затеял еще один поход, гораздо меньшего масштаба. Даже странно, что сравнительно небольшую войну он решил возглавить лично, а не послал какого-нибудь из полководцев. Такое ощущение, что здесь было нечто личное.

Дело в том, что несколькими годами ранее, когда Чингисхан только собирался идти на хорезмшаха Мухаммеда, он потребовал от своего вассала, тангутского царя, подмоги, а тот ответил отказом, причем невежливым – вероятно, был уверен, что с хорезмскими полчищами монголы не справятся.

Хан не стал перед великим походом тратить время и силы на наказание тангутов, но, покончив с большим обидчиком, явился расквитаться и с маленьким.

Карательная экспедиция началась осенью 1226 года.

Всё шло гладко. Монголы без труда брали один за другим тангутские города. Но однажды старый хан упал с коня и сильно расшибся. Некоторое время похворал, да и умер. Это произошло 25 августа 1227 года. Величайший завоеватель мировой истории ушел из жизни весьма невеличественным образом.

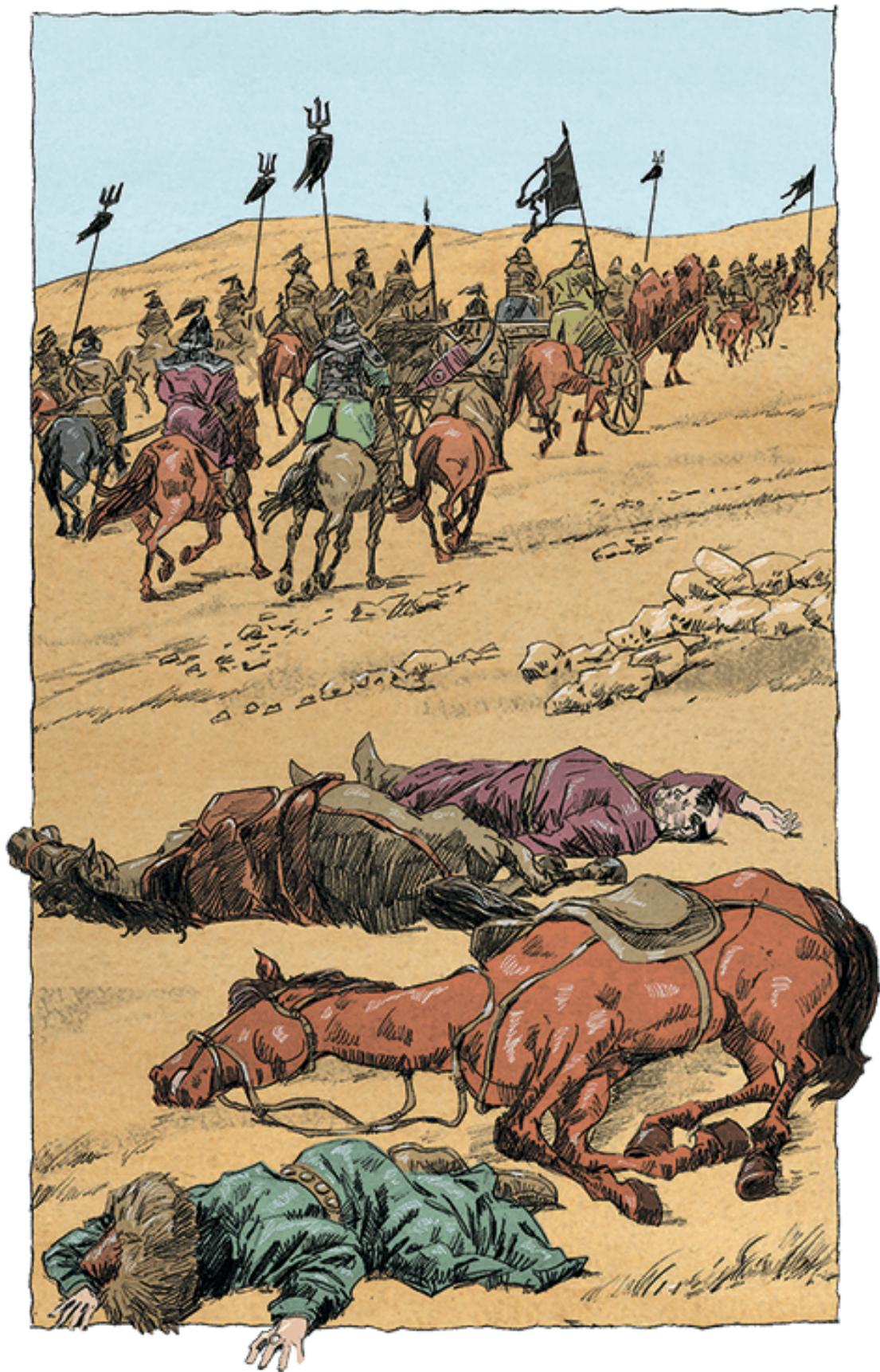
Тангутов это, правда, не спасло. Чтобы не деморализовать войска, приближенные хранили смерть государя в тайне вплоть до полной победы над врагом.

Обожествление Чингисхана

Не только смерть великого хана, но и его погребение были окружены невероятной таинственностью. Чингисхан еще при жизни стал для монголов священным символом, и этот символ не мог, не должен был умереть. Окружение завоевателя хорошо понимало, что полная дематериализация кумира подействует на воображение потомков сильнее, чем какая-то монументальная пирамида или лицезрение мумии в мавзолее. Никто не должен был видеть труп Чингисхана или его гробницу.

Погребение совершилось безо всякой помпы и в полной тайне. Все рабы, рывшие могилу, и даже все, кто случайно встретился похоронной процессии на пути, были убиты; потом казнили и тех, кто сопровождал хана в последний путь. Поэтому никто не знает, где зарыт прах Чингисхана. Существует множество версий: что по могиле прогнали табун лошадей, дабы сравнять ее с землей; что могилу скрыли под водами реки, чье русло было изменено, и так далее, и так далее. Есть, конечно же, и легенды, согласно которым Чингисхан умер не окончательно и однажды воскреснет, – куда ж без этого?

Основатель империи развоплотился и превратился в дух империи. Всё, связанное с его именем, у монголов будет почитаться сакральным.

Траурная процессия. И. Сакуров

С точки же зрения политической, смерть Чингисхана примечательна тем, что империя осталась без очевидного и бесспорного наследника. Начался небыстрый и трудный процесс передачи верховной власти. На время монгольская экспансия затормозилась (так будет происходить еще не раз после кончины очередного государя).

Однако законы, по которым развиваются империи, долговечнее и могущественней усилий одного человека. Военная держава монголов была создана и устроена таким образом, что она не могла не продолжить своего роста, даже когда осталась без выдающегося вождя.

Нашествие

Судьба Руси решена

Наследство Чингисхана

У основателя империи было множество детей, однако право наследования признавалось лишь за сыновьями старшей и любимой жены великого хана – той самой Бортэ, которую Чингисхану еще в детстве сосватал отец.

Бортэ пользовалась полным доверием мужа, управляла Монголией во время его длительных походов и отлично справлялась с этой задачей. Важную роль великая ханша сыграла и в напряженный период междувластия, длившийся целых два года.

Отношения между четырьмя ее сыновьями были непростыми. В особенности не ладили двое старших: Джучи и Чагатай. На первом лежало пятно: он считался «меркитским отродем», хоть Темучин официально и признал его своим первенцем.

Сам Чингисхан, видя враждебность старших сыновей, очевидно, в качестве компромиссной фигуры прочил в наследники третьего сына, Угэдея, однако окончательно решить вопрос о преемнике, согласно Ясе, мог только великий курултай.

Подготовка к нему растянулась надолго, поскольку претенденты и «делегаты» должны были съехаться со всех концов огромной империи.

Согласно монгольской традиции, хранителем родовых земель, остающимся при матери, являлся самый младший ее сын. Он (его звали Толуй) и стал кем-то вроде престололюбителя или регента на время созыва съезда.

Еще при жизни Чингисхан выделил каждому из четырех сыновей улус – не феодальное владение, а нечто вроде вице-королевства, на основе временного управления.

Джучи достались обширные степи к северу и западу от Аральского моря; Чагатай получил земли завоеванного кара-киданьского царства и основную часть бывшего Хорезма; Угэдей – Джунгарию и верховья Иртыша. Толую же досталась «малая родина» – Монголия, которая теперь была большой и сильной, а больше всего позицию регента укрепляло то, что под его командованием оказались основные силы отцовской армии: сто одна из ста двадцати девяти «тысяч». Именно это обстоятельство и стало гарантом стабильности в переходный период.

Судя по всему, Чингисхан и его вдова были уверены в исполнительности своего младшего сына и его верности родительской воле. Когда в 1229 году великий курултай наконец собрался, очень многие его участники хотели избрать государем Толую, который два года фактически правил империей и был популярен у монголов, однако регент отказался от претензий на престол, почитая желание отца священным. Наследником Чингисхана без каких-либо раздоров был утвержден Угэдей (1229–1241), тем более что Джучи к тому времени умер.

Мнения историков о личности второго императора монголов различны. Кто-то считает его способным администратором, внесшим большой вклад в обустройство и организацию огромного государства. Есть и другое мнение, согласно которому Угэдей был любителем роскошной жизни, который беспечно растратил колоссальную добычу, накопленную во время победоносных походов.

Как бы там ни было, но довольно скоро обнаружилось, что трофеи заканчиваются и государству жить не на что. Доходы империи, которая в ту пору была еще сугубо военной, целиком зависели от грабежа и контрибуций. Новообретенные привычки монгольской знати и потребности армии требовали новых завоеваний.

Для того чтобы решить, в каком направлении нанести следующий удар, в 1235 году великий хан Угэдей собрал новый курултай – уже не в ставке, а в только что построенной столице Каракорум. Раньше у монголов, как мы помним, городов не было, однако империя не могла существовать без столицы, и она появилась.

Роковой курултай

Собственно, на съезде обсуждался лишь вопрос о том, на кого идти войной.

Мнения разделились. Кто-то предлагал завоевать Корейский полуостров и южнокитайскую империю Сун (разоренное и ослабленное царство Цзинь к тому времени наконец прекратило сопротивление); от покоренной Персии было уже рукой подать до Индии или до Ближнего Востока – Багдада, Дамаска, Палестины. Речь шла о самых богатых и густонаселенных регионах земли; ни в одном из них, как уже знали монголы, не было порядка, так что все они казались нетрудной добычей.

Хан Угэдей. *Китайский рисунок XIV в.*

Поразительно то, что курултай постановил нанести удары сразу во всех направлениях. Это красноречиво свидетельствует о том, как уверенно ощущала себя империя в тогдашнем мире. А последующее развитие событий доказало, что для этой уверенности имелись все резоны.

На Дальнем Востоке были затеяны сразу две войны – одна против царства Сун, другая против Кореи. Мишенью третьего похода стала Передняя Азия. Но монголам и этого показалось мало. Определилось еще одно направление экспансии – европейское.

Таким образом, на курултае 1235 года, в далеком Каракоруме, решилась историческая судьба множества стран, в том числе и нашей.

Инициатором похода на Русь, по-видимому, был старый Субэдей. Он наверняка рассказал участникам съезда о том, как странно воюют русские князья: каждый за себя, не помогая друг другу. Несомненно, знали монголы и о том, что в такой же жалкой раздробленности пребывают и остальные европейские страны. Объектом похода была не Русь, а весь Запад. Целью же мегавойны, которая охватывала три стороны света (кроме безлюдного и никому не нужного Севера), было не более не менее как окончательное объединение всего известного мира, расположенного в треугольнике между тремя океанами: Тихим, Атлантическим и Индийским.

Произошло одно важное изменение. Теперь монголы намеревались не просто разграбить захваченные территории, уведя в рабство «полезное» население и уничтожив «бесплезное», а именно завоевать дальние страны с тем, чтобы потом ими править.

Увидев, что даже очень большой военной добычи надолго не хватает, монголы должны были задуматься о создании иной экономической системы. К этому несомненно призывали и поступившие на службу к великому хану опытные советники – китайцы и мусульмане.

Кроме того, деление империи на улусы, первоначально, по-видимому, задумывавшееся как временное, начинало перерастать в нечто иное. Империя была слишком обширной и громоздкой, чтобы эффективно управляться из одного центра, а братья и подростки племянники великого хана хотели ощущать себя если не самостоятельными, то автономными владыками. Для каждой из ветвей Чингисханова рода «личный» поход был способом расширить свои владения и создать собственную материальную базу. Впрочем, о независимом царстве в эту эпоху никто из младших Чингизидов еще не мечтает. Монгольский мир пока един.

Половецкая степь, Русь, а также всё, что находилось за Русью, курултай «отдал» улусу Джучи. Первенец Чингисхана к тому времени уже умер, его молодого наследника звали Бату (в русских летописях – «Батый»). Он и стал формальным предводителем Западного похода, хотя на самом деле войском командовал лучший монгольский полководец Субэдей, уже бывавший в тех далеких краях.

Силы вторжения

Самым убедительным доказательством того, что в этот период завоевание новых стран считалось общим делом всей империи, является принцип формирования армии Бату-Субэдея.

В Западном походе кроме сил улуса Джучи участвовали и контингенты из всех остальных улусов, а в командование входили сыновья и Угэдея, и Чагатая, и Толуя. В хронике монгольско-персидского историка и государственного деятеля Рашид-ад-дина, в длинном списке ханов, участников европейского похода, Бату по статусу значится лишь на девятом месте. Позднее у него возникнут трения и конфликты с двоюродными братьями, которые считали себя по меньшей мере ровней сыну «меркита». Однако Запад всё же «принадлежал» улусу Джучи, и субординационно остальные принцы находились по отношению к Бату в подчиненном положении.

Бату. *Китайский средневековый рисунок*

Размеры армии Бату оцениваются по-разному. В русской исторической традиции часто фигурировали цифры в триста и даже пятьсот тысяч человек, для чего некритически брались сведения из летописей. Неправдоподобное преувеличение объяснялось патриотической «обидой» и желанием «оправдать» ужасный разгром. Карамзин пишет: «Сила Батыева несравненно превосходила нашу и была единственною причиною его успехов. Напрасно новые историки говорят о превосходстве Моголов в ратном деле: древние Россияне, в течение многих веков воюя или с иноплеменниками, или с единоземцами, не уступали как в мужестве, так и в искусстве истреблять людей, ни одному из тогдашних европейских народов. Но дружины Князей и города не хотели соединиться, действовали особенно, и весьма естественным образом не могли устоять против полумиллиона Батыева».

Никакого полумиллиона и даже трехсот тысяч не было и быть не могло.

Известно, что вся монгольская армия к моменту смерти Чингисхана насчитывала 129 тысяч человек, и при Угэе больше она не стала. Эти силы пришлось поделить между четырьмя направлениями, из которых европейское было не главным.

Из источников мы знаем, что улус Джучи вначале получил очень небольшую часть армии – всего четыре тысячи настоящих монгольских воинов. Конечно, с их помощью были обучены и подготовлены новые части из тюркских племен. Непосредственно перед походом пришли подкрепления из других улусов, весьма значительные.

И всё же речь вряд ли может идти о сотнях тысяч. Современные историки считают реалистичными цифры в пределах от 30 до 100 тысяч воинов (самая вероятная – тысяч пятьдесят), что по русским и европейским меркам все равно было гигантской силой. Ни одно из русских княжеств не могло вывести в поле сопоставимое число ратников. Вряд ли это удалось бы и какому-нибудь европейскому королевству.

Если учитывать бережливое отношение монгольского командования к личному составу и обыкновение присоединять к войску отряды покоренных народов, получается, что у Субэдея и Бату сил для завоевания Европы было вполне достаточно. А боевые качества и уровень военного искусства этого войска находились на таком уровне, что его численность – здесь придется не согласиться с Карамзиным – никак не была «единственною причиною его успехов».

Подготовительный этап

Хроника сообщает о войсках, выступивших из Монголии: «Они все сообща двинулись весною бичин-ил, года обезьяны (1236), и лето провели в пути». Осенью того же года армия соединилась и разбила Булгарию – долгая история этого волжского царства, выдержавшего на своем веку немало потрясений, на этом заканчивается.

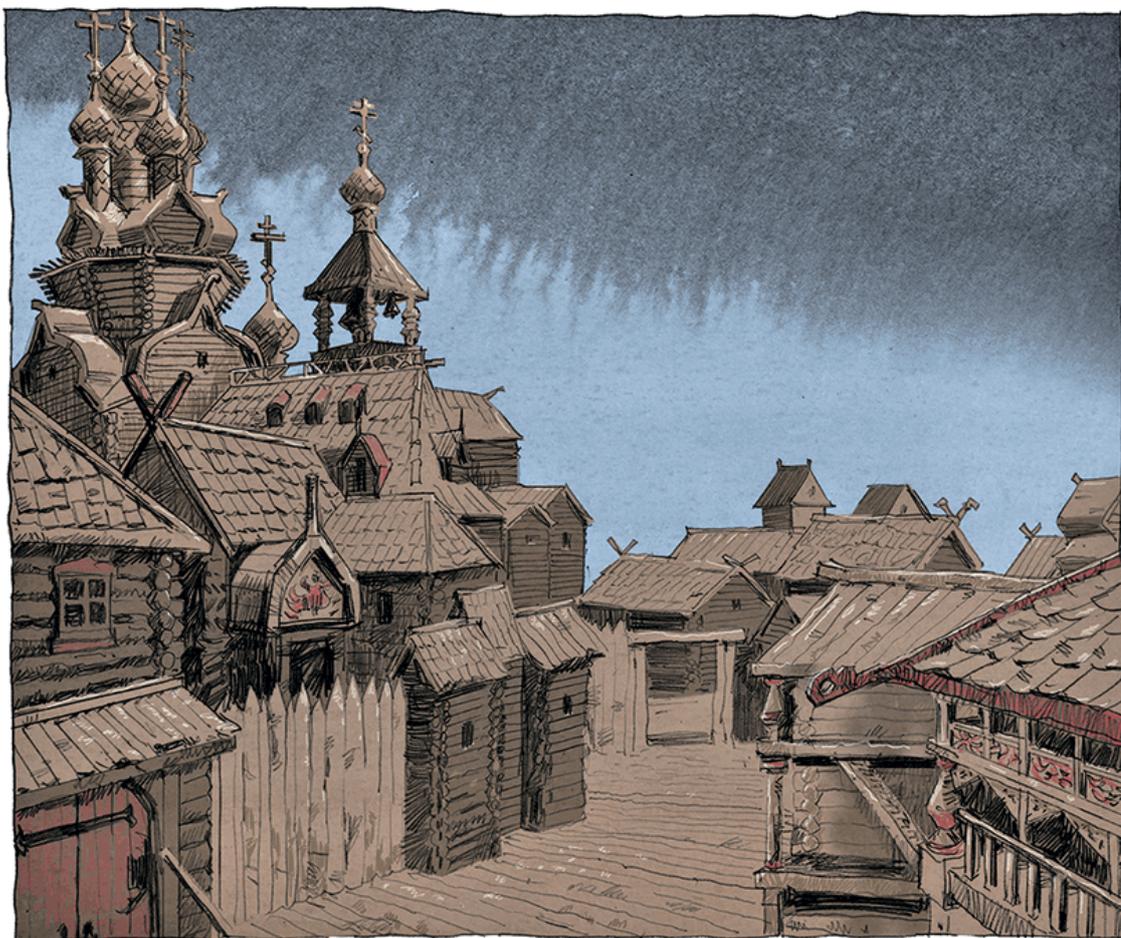
Идти дальше, на Русь, завоеватели не спешили. Они обосновывались в новых краях основательно и надолго. Изучали пути для наступления, обеспечивали тыл, собирали разведывательные сведения, добивали или привлекали на свою сторону окрестные племена, обучали новобранцев. Возможно, именно в этот период Бату-хан выбрал место для будущей столицы своего улуса – чтобы она удобно располагалась между завоеванными территориями и метрополией.

Приготовления к вторжению длились больше года – Субэдей вообще был из тех, кто медленно запрягает, зато потом очень быстро едет. Очевидно, он нарочно ждал снега и холодов. Суровая зима не раз будет спасать Россию от иноземных армий, но монголы привыкли к морозам, а по замерзшим рекам передвигаться им было проще и быстрее, чем продираться через густые леса и топи.

Итак, огромное вражеское войско простояло невдалеке от русских рубежей много месяцев. Наверняка до Руси доходили вести о монгольских победах, добирались беглецы, однако

и теперь, уже перед самым нашествием, обреченная страна не готовилась к обороне. Соловьев пишет: «Толпы булгар, избежавших истребления и плена, явились в пределах русских и просили князя Юрия дать им здесь место для поселения; Юрий обрадовался и указал развести их по городам поволжским и другим». Обрадовался – и всё. А ведь Юрию, великому князю владимирскому, сыну Всеволода Большое Гнездо, и по своему положению старшего из русских государей, и просто из опасения за собственное будущее (земли Юрия Всеволодовича находились недалеко от Степи) более чем кому-либо надлежало бы озаботиться восточной угрозой.

Но нет. Владимирская летопись в это время сообщает о том, что в соборном храме поставили новый киот и расписали придел. Новгородская летопись пишет о незначительных стычках с «безбожной Литвой», о приезде митрополита-«гречина» и о строительстве нового монастыря.

Русь домонгольская. *И. Сакуров*

Русь не предчувствовала своего конца и, казалось, была поражена странной слепотой. Но ничего загадочного в этой безмятежности нет, она объясняется очень просто. Каждый князь был целиком поглощен своими мелкими заботами и больше ничем не интересовался – не то что разгромом булгар, но, как мы увидим, даже нападением степных полчищ на другое, русское же княжество. Кипучего Мстислава, который, пускай на беду Руси, но всё же сумел собрать большое коалиционное войско в 1223 году, уже не было в живых. Единой страны давно не существовало; ее народ хоть и говорил на одном языке, однако жил поврозь. Единой нацией он ощутит себя еще очень нескоро. Нашествия и набег чужеземцев на родственников и соседей часто будут восприниматься Рюриковичами не как общая беда, а, наоборот, как подарок судьбы и возможность поживиться за счет ослабленного княжества.

Так и вышло, что худшее за всю историю испытание застало Русь разрозненной и не готовой к серьезному сопротивлению.

Завоевание

Повторю еще раз: нет сомнений, что армия Бату-Субэдея, гораздо более сильная, чем на Калке, разгромила бы и объединенное войско Древней Руси, однако раздробленность и полное отсутствие какой-либо солидарности облегчили монголам задачу. Они получили возможность спокойно расправиться с русскими областями поодиночке, да еще сделать перерыв для отдыха и пополнения сил.

Военных кампаний, собственно, было две. Первая началась в конце 1237 года и была направлена против северной Руси. Вторая – против южной и дальше, в Западную Европу.

Северная кампания

Начали монголы с пограничной Рязанской области. Как водится, беде предшествовало плохое предзнаменование – затмение солнца, согласно летописи, длившееся пять дней. Впрочем, это природное явление случилось еще в августе, война же началась только в декабре. «В то лето придоша иноплемьници, глаголемии Татарове, на землю Рязаньскую, множество бецисла, акы пружи [саранча]».

В «Повести о разорении Рязани Батыем» рассказывается о том, что вначале «татарове» прислали в Рязань парламентеров. Этот текст является именно повестью, а не хроникой; он, по-видимому, написан много позднее и содержит множество легенд, к которым не следует относиться как к историческим фактам, однако, исходя из того, что нам известно о военных обычаях монголов, послы, скорее всего, действительно прибыли. Выдвинутые требования, по монгольским понятиям, были умеренными: покориться и отдать десятую часть людей, имущества и «князей» (вероятно, речь шла о заложниках), но рязанцам условия показались нелепыми, а послы «бездельными», то есть присланными невсерьез.

Первый поход Бату-хана (1236–1238). М. Руданов

Рязанский князь попросил подмоги у Юрия Всеволодовича Владимирского, но тот не откликнулся на зов, «сам хоте особь брань створити». Должно быть, рассчитывал, что с монголами будет легче справиться, когда они растратят силы в борьбе с Рязанью, а может быть, надеялся, что степняки удовольствуются добычей и повернут обратно, как это не раз делали половцы. На помощь Юрию Игоревичу Рязанскому пришли лишь его близкие родственники, совсем мелкие князья.

С этими небольшими силами думать о сражении не приходилось. Отсидеться за городскими стенами тоже не удалось. Бревенчатые укрепления Рязани не могли долго продержаться против китайской осадной техники. В пять дней (согласно нашей хронике) или в три (согласно монгольской) город был взят и сожжен, а все его жители как не подчинившиеся воле хана уни-

чтожены. Юрий Игоревич, по-видимому, пал в бою, хоть «Повесть о разорении» относит его гибель к более позднему времени.

И шедъше въ градъ градъ . и црѣ
и ко двѣстоу въ црѣ разграбѣша . а про
че все шгнѣ
мѣпо
жѣ
го
ша

Татары разоряют русский город. *Миниатюра XVI в.*

Уже не художественное произведение, а летопись (Лаврентьевская) рассказывает, что захваченных рязанцев расстреливали из луков и распинали, но последнее, видимо, является художественным преувеличением, которое должно было подчеркнуть антихристианский дух языческого нашествия. Обычно монголы убивали пленных быстро и деловито, без церемоний.

Рязань прекратила существование; впоследствии город с тем же названием будет находиться в другом месте.

Хроника Рашид-ад-дина к этому времени уже ставит Бату на первое место среди ханов. О взятии Рязани (она названа «Арпан») сообщается коротко – видимо, ничего примечательного в этом событии не было, однако поминается, что «русский эмир по имени Урман» (коломенский князь Роман Ингваревич) дал монголам сражение в открытом поле и пал в бою, однако победа далась завоевателям нелегко – они потеряли Кулкана (Кюль-хана), сына Чингисхана от одной из младших жен. Это произошло уже в январе 1238 года. Далее, взяв городок «Макар» (Москву), войско пошло на столицу Юрия Всеволодовича – Владимир.

Великий князь, отказавшийся помочь Рязани, всё еще не был готов к решительной битве. Он оставил Владимир на попечении двух сыновей, Всеволода и Мстислава, а сам отошел к Волге, чтобы завершить сбор войск. Должно быть, Юрий Всеволодович надеялся, что хорошо укрепленный город выстоит до подхода основных сил.

Но столица продержалась всего несколько дней. Монголы взяли город по всей инженерной науке: быстро построили тын, замкнув периметр, проделали проломы и взяли штурмом сначала внешнее, а затем и внутреннее кольцо стен. «Они ожесточенно дрались», – признает Рашид-ад-дин мужество обороняющихся.

Когда стало ясно, что надежды нет, один из княжичей, Всеволод, вышел с дарами и попробовал начать переговоры о сдаче, но Бату-хан не мог принять капитуляцию у тех, кто уже пролил монгольскую кровь. Всеволод и его свита были перебиты.

Семья великого князя, епископ и множество других знатных и незнатных владимирцев затворились в соборе, уповая на Божье чудо. Но чуда не произошло. Нападающие сожгли церковь вместе со всеми, кто в ней находился.

Сразу после захвата главного вражеского города монголы, следуя всегдашней тактике, разделились на группы и до конца февраля заняли все основные поселения владими́ро-суздальской и ростовской областей.

Лагерь Юрия Всеволодовича находился на берегу речки Сити, притока Мологи, которая впадает в Волгу. Великий князь потерял столицу, семью, почти все владения, но у него еще оставалось войско. К сожалению, он не был искусным полководцем и не понимал, как воевать с таким противником. Находясь на своей собственной территории, среди родных лесов, Юрий владел ситуацией хуже, чем чужеземцы. Не зная, с какой стороны ожидать удара, он стоял на месте и позволил Субэдею окружить себя.

Решительное сражение произошло 4 марта 1238 года на берегу Сити. Стратегическое, численное, качественное преимущество было на стороне монголов. Им к тому же удалось напасть на русских врасплох («и нача князь полки ставити и се внезапно приспеша Татарове»).

Охваченное в кольцо владимирское войско было почти полностью истреблено. Юрий погиб в схватке. Его отрубленную голову принесли Бату-хану.

Епископ Кирилл находит обезглавленное тело великого князя Юрия на поле сражения на реке Сити. *В. Верещагин*

«И бысть сеча зла, и побегоша пред иноплеменники», – горестно пишет наша летопись. Монгольская же о битве вообще не поминает, не находя в этом бою, одном из многих, ничего особенного. А между тем именно этот день, 4 марта 1238 года, может считаться самой черной датой отечественной истории. С этого момента Древняя Русь прекратила свое существование как самостоятельная политическая величина. Дальнейшее сопротивление нашествию носило уже неорганизованный, фрагментарный характер, и вождя у разбитой стороны теперь не было.

Князь Василько

Из всех жертв разгрома на реке Сити нашим летописцам отчего-то жалче всего ростовского князя Василько Константиновича. Он был «лицом красен, очима светел и грозен, хоробр паче меры на ловех [на охоте], сердцем легок». Очевидно, Василько слыл доблестным воином не только среди русских, но его слава дошла и до монголов. Вопреки своему правилу безжалостно убивать вражеских военачальников, для ростовского князя они сделали исключение: взяв в плен, стали звать к себе на службу. Вероятно, Бату-хан счел, что теперь Русь завоевана и пора присоединить к своей армии местные воинские отряды, как монголы это делали повсюду.

Но Василько отказался служить врагам и не принял от хана угощения (этому ритуалу монголы придавали большой смысл, а отказ воспринимали как оскорбление). Непреклонного пленника предали казни и бросили его тело в лесу. «Излише [очень сильно] же слугы свои любляще, мужество же и ум в нем живяше, правда же и истина с ним ходяста», – скорбит по Васильку летописец,

и эти слова звучат панегириком удалым, вольным князьям ранней Руси. Их время закончилось.

Сразу же после победы на Сити монголы, действуя по плану, видимо, разработанному заранее, двинулись на самый богатый русский город – Новгород. По дороге они грабили и жгли поселения, а людей убивали, следуя Чингисхановым правилам психологической войны. Пал бы, конечно, и Новгород, но северо-западный регион спасла от беды защитница-природа.

Морозов хватчики не боялись, но в 1238 году случилась ранняя весна. К концу марта реки и болота растаяли, леса и дороги стали непроходимыми от распутицы.

Боясь погубить лошадей, монголы повернули на юг, не дойдя всего ста километров до цели. Так Новгород, а вместе с ним и Псков избежали жестокой участи других русских городов, что поставило эти две области в привилегированное положение, сохранявшееся на протяжении всего татаро-монгольского владычества.

Разгромив князей Северной Руси, самых сильных в военном отношении, Субэдей и Бату сочли главную задачу выполненной и ушли назад в Степь готовиться к следующему, более трудному и дальнему походу.

Гибель Евпраксии. *Н. Матвеев*

О легендарном и подлинном героизме

Легкость, с которой монголы завоевали Русь, отечественным авторам последующих эпох казалась обидной. Так возникли утешительные для национального самосознания легенды о героическом сопротивлении – красивые, но, похоже, вымышленные. Восходят они в основном к уже

поминавшейся «Повести о разорении Рязани Батыем», самый ранний список которой датируется XVI столетием.

Там есть трогательное сказание о Евпраксии, жене княжича Федора, сына Юрия Рязанского. Будто бы княжич был отправлен с посольством к Батыю, моля не идти на Русь войной, а сладострастный хан, «в похоти плоти своей», потребовал прислать ему жену Федора, «лепотою-телом красна бе зело». Федор с презрением отказался и был предан смерти. Услышав о гибели супруга, красавица Евпраксия взяла на руки маленького сына, кинулась из окна превысокого своего терема и разбилась. Эпизод этот несомненно является художественным вымыслом, но таким красивым, что церковь впоследствии канонизировала Евпраксию, даже несмотря на совершенный ею смертный грех самоубийства.

Еще одна легенда, о Евпатии Коловрате, получила такое распространение, что даже входила в школьные учебники. В «Повести» рассказывается о храбром рязанском воеводе Евпатии Коловрате, который вернулся на родину уже после ее разорения, собрал дружину в тысячу семьсот воинов, погнался за Батыем, настиг его и многих татар порубил. Батый послал против Коловрата армию под командованием своего шурина, но наш богатырь рассек язычника «до седла», а войско его уничтожил.

Справиться с Коловратом в честном бою поганые не могли и перебили его дружину лишь с помощью метательных орудий. Когда же Батыю доставили тело убитого воеводы, хан воскликнул: «Аще бы у меня такой служил, держал бых его против сердца своего!» – и позволил похоронить героя с честью.

К сожалению, никаких других упоминаний о доблестном Коловрате не сохранилось, хотя в монгольской летописи не обойдены молчанием реальные случаи упорного сопротивления русских.

Так Рашид-ад-дин повествует, вполне почтительно, о не придуманном, а подлинном героизме жителей городка Козельска, который доставил Бату-хану гораздо больше хлопот, чем хорошо укрепленные крепости. Есть этот рассказ и в русских летописях.

Там правил князь Василий из черниговской ветви Рюриковичей, еще совсем мальчик. Он отказался сдать. Городок находился на пути движения основных сил Бату-хана, поэтому монголы решили взять крепостцу с ходу. Но жители Козельска с мала до велика вооружились кто чем мог, вышли на стены и отбили все штурмы. Пришлось устраивать настоящую осаду, однако и она не сломила дух защитников. Город продержался целых семь недель и был взят лишь тогда, когда в живых никого не осталось.

По летописи, очевидно утрирующей малолетство князя Василия, он будто бы не просто погиб, а «во крови утонул». Все население, включая младенцев, было истреблено.

Монгольская хроника повествует: «Бату подошел к городу Козельску и, осаждая его в течение двух месяцев, не мог овладеть им», так что пришлось ждать подхода туменов Кадана (сына великого хана) и Бури (сына Чагатая). Тверской летописец присовокупляет, что при осаде монголы потеряли четыре тысячи человек, в том числе трех княжичей, и что Бату повелел именовать Козельск «Злым Городом».

Памятник Евпатию Коловрату в Рязани. Скульптор О. Седов

Возможно, потери, понесенные при взятии малозначительной крепости, стали еще одной причиной более чем двухлетней передышки, которую устроили себе монголы прежде чем идти дальше на Запад.

Южная кампания

Судя по тому, как долго пришлось Бату-хану восполнять убыль в людях и лошадях, первый русский поход обошелся монгольской армии недешево. Пришлось восстанавливать боеготовность поредевших туменов – обучать новых воинов, дожидаться подкреплений. Вторая стадия войны, целью которой была вся Европа, требовала больше войск, чем покорение Руси.

В течение следующего 1239 года монголы ограничились умирением беспокойных северокавказских племен – понадобилось укрепить тыл. С той же целью добились старого врага – хана Котяна, который теперь окончательно ушел из родных степей и увел остатки своей орды, сорок тысяч человек, к венгерскому королю.

Какие-то небольшие отряды заглянули в пограничные районы Владимирского княжества, но жители заранее узнали о приближении монголов и в ужасе бежали прочь.

Единственным более или менее серьезным военным предприятием этого периода был поход на Чернигов, но сам Бату в этой экспедиции не участвовал. Лишь один из Ольговичей, потомков Олега «Гориславича» (того, что когда-то привел на Русь половцев), издавна владевших этой областью, князь Мстислав осмелился вступить в бой, но был разбит, а город быстро пал. Сам черниговский князь Михаил Всеволодович сидел в Киеве и выйти оттуда не решился. Однако, когда монголы отправили к нему послов, предлагая сдаться, этот вспыльчивый властитель приказал посланцев умертвить. Затем, уже зная, какие последствия будет иметь этот поступок, Михаил не стал дожидаться возмездия и уехал из Киева в Венгрию, где понемногу скапливались беглецы от монгольского нашествия. (На отношении русских историков к фигуре

Михаила Черниговского сильно сказалась его мученическая кончина, до которой мы еще дойдем, и последующая канонизация, но вообще-то этот князь не отличался ни храбростью, ни дальновидностью.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.